МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Историко-филологический факультет ПИ им. В. Г. Белинского	Кафедра «История России и методика преподавания истории»
Направление подготовки	44.03.01 – Педагогическое образование
Профиль	История
Форма обучения	Очная

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему:
Повседневность блокадного Ленинграда через призму детского восприятия

Студент _____ (подпись, дата) **Малышева Дарья Александровна**

Научный руководитель _____ (подпись, дата) **Паршина Вера Николаевна**

Нормоконтролёр _____ (подпись, дата) **Паршина Вера Николаевна**

Работа допущена к защите (протокол заседания кафедры от _____ № ____)

Заведующий кафедрой _____ (подпись, дата) Кондрашин В.В.

Работа защищена с отметкой _____ (протокол заседания ГЭК от _____ № ___)

Секретарь ГЭК _____ (подпись, дата) Кузьмина Т.Н.

Пенза, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……3

Глава I. Повседневная жизнь детей Ленинграда военного времени и восприятие экстремальных условий блокады……15

§1. Детский быт ……..15

§2. Досуг детей блокады……22

§3. Школа……36

§4. Детский труд……..48

§5. Питание……..53

§6. Меры по спасению и защите детей……..63

§7. Восприятие лишений детьми блокадного Ленинграда……..75

Глава 2. Применение результативного исследования преподавания истории в среднем общеобразовательном учреждении на примере темы «Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 — ноябрь 1942 г.)» по истории России…….....84

§1. Тематическое планирование……84

§2. Технологическая карта……..86

§3. Методические рекомендации……109

Заключение……...110

Список использованных источников и литературы……114

Приложение……..120

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В январе 2019 года научная общественность и жители России отметили победную дату – 75-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Блокада коснулась почти каждой ленинградской семьи и была одной из самых длительных в истории. В осажденном городе по статистическим данным оставалось почти 2,5 млн. мирного населения, из которого более четырехсот тысяч составляли дети разных возрастов, испытавшие наравне с взрослыми лишения, ужасы блокадного города. Большинство людей (97%) погибли от голода, и лишь 3 % жителей Ленинграда умерли от бомбежки.

В настоящее время есть возможность ознакомиться с ранее недоступным материалом, исследованиями в более поздних публикациях, статьями на данную тему. Данная информация позволяет более широко раскрыть тему ленинградских детей, познакомиться с чёткой картиной событий тех лет и переосмыслить имеющиеся знания.

Актуальность данной темы выражается также в том, что блокадная трагедия оказала влияния не только на граждан эпохи ВОВ, но и на последующие поколения, так как воспоминания детей совершенно не похожи на воспоминания взрослых. Детская память сохранила и принесла чрезвычайно много информации. После войны уже взрослые люди, а тогда дети блокадного Ленинграда, тяжело переносили последствия голодного детства; страшнейшие условия отразились на здоровье бывших блокадников. Данные о том, как удалось выжить в условиях осаждённого города, важны для медицины.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что в истории России данная тема требует более тщательного исследования. Это подтверждает актуальность выбора темы исследовательской работы.

Объектом исследования является повседневность Ленинграда в экстремальных условиях блокады в годы Великой Отечественной войны.

Предметом исследования является повседневные практики юных горожан блокадного Ленинграда: система способов организации детской жизни, труд, школьные будни, питание, мировоззрения и восприятия экстремальных условий блокады, страхи, взаимоотношения, а также меры по спасению и защите детей.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки работы охватывают период с 8 сентября 1941 г. до снятия блокады 27 января 1944 г.

Территориальные рамки работы определены границами г. Ленинграда, который в период Великой Отечественной войны находился в блокадном кольце.

Историография. На протяжении длительного времени историография блокады Ленинграда развивалась в узком направлении, допущенным официальным мировоззрением. На страницах работ была отражена эпическая сторона явлений как обозначение героизма в битве за город. Впрочем, далее исследователи не шли, и весь набор проблем – от общеизвестных нужд до настроя народа блокадного Ленинграда – так и не нашёл полного пояснения в литературе.

Отечественная историография блокады до недавнего времени прогрессировала в общих границах советской литературы о Великой Отечественной войне. Можно подтверждать, что вся литература о блокаде Ленинграда до конца существования СССР определялась главенствующей социалистической идеей и степенью условной либеральности режима, допускающего историкам в отдельные этапы браться за новейшие, до того, запретные темы. Тем не менее, основным различием отечественных историков, работавших в советское время, было то, что им удалось в

небольших подробностях обнаружить эпическую сторону битвы за город, продемонстрировать доблесть и горе Ленинграда.

В течение продолжительного времени наука не рассматривала историю блокады Ленинграда через восприятие детей, считая её несущественной. Первые работы, затрагивающие тему детей блокады, появились в 60-е гг. XX в. Наиболее изучены вопросы по эвакуации детей, детской смертности, трудовой деятельности подростков, работе детских садов, школ, детских домов в блокированном городе, психическим расстройствам, связанным с военной травмой у детей блокадного Ленинграда.

Деятельность Ленгорисполкома по спасению детей освещена в работах М. В. Ежова.[1] Анализ деятельности Горздравотдела дан в работах П. Ф. Гладких.[2] Именно они являются широким и фундаментальным исследованием вклада медицинских работников в спасение детей блокады.

В работе А. Р. Дзенискевича, В. М. Ковальчука «Непокорённый Ленинград»[3] 1970 года представлено, как с первых дней блокады Ленинграда битва за город стала всенародным делом. Данная книга знакомит читателя с разнообразными сторонами жизни и противоборства не только взрослого населения, но и детей. Она написана на основании данных, собранных для пятого тома «Очерков истории Ленинграда». Работа проиллюстрирована планами военных мероприятий и снимками военного времени. Авторами книги являются научные работники Ленинградского отдела Института истории СССР АН СССР.

[1] Ежов М. В. Выборы в местные советы Ленинграда накануне Великой Отечественной войны и их роль в судьбе города в военный период. М., 2013; Ежов М. В. Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся и его роль в судьбе города в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2013.
[2] Гладких П. Ф. Здравоохранение блокадного Ленинграда. Л., 1985.
[3] Дзенискевич А. Р. Ковальчук В. М. Соболев Г. Л. Цамутали А. Н. Шишкин В. А. Непокоренный Ленинград. Л., 2006.

Аналогичный характер носит работа под редакцией Н. К. Новикова «Листки блокадного календаря»[1] 1988 г. Авторы повествуют о детях блокадного города и о том, как близ переднего края обороны, под неприятельскими обстрелами и бомбёжками город не прекращал производство боеприпасов.

Работа А. М. Осипова и О. Н. Тюлева «Стояли с взрослыми рядом»,[2] 1985 года собрала в себя сборник документов о славном подвиге юных участников обороны Ленинграда, о патриотическом воспитании подрастающего поколения. Книга состоит из документальных очерков и воспоминаний ленинградцев, чьё детство и юность прошли в осаждённом городе, партизанских отрядах и на полях сражений.

В статье А. В. Зотов «О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда»[3] 2013 г. автор в первый раз подвергает анализу сведения из архивов, касающиеся денежного снабжения эвакуации детского населения из блокадного города. Автор делает заключение о том, что на деле все затраты по эвакуации и дальнейшему оснащению детей обязаны были брать на себя родители. В худшем раскладе дети оставались в Ленинграде.

Отдельное место в историографии следует уделить эвакуации детского населения. Масштабность эвакуационных действий отразились в опубликованных источниках, и, в свою очередь, учёные изучили данную тематику. Во время теоретических исследований они сосредоточили интерес на бесчисленных несоответствиях и упущениях в данных в документах о блокадном населении, не пытаясь давать им разъяснение. Так, Л. Л. Газиева[4] касалась проблемы статистики эвакуированных из блокадного города детей и подростков.

---

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду / Н. К. Новиков. Л., 1988.
[2] Стояли со взрослыми рядом: сборник документальных очерков / А. М. Осипова, О. Н. Тюлева. Л., 1985.
[3] Зотова А. В. О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда. Кострома. 2013.
[4] Газиева Л. Л. Статистика эвакуированных из блокадного Ленинграда детей и подростков в документах органов государственного управления // Отечественные архивы. СПб., 2013.

В 2015 году Л. Л. Газиева[1] изучила проблемы и противоречия экспериментов Первой мировой войны по спасению детей в этот период. Показана преемственность в педагогическом опыте по реабилитации детской психики, в том числе в применении методов подавления жестокости, разрушительной для детского организма.

Психологический анализ блокады показан в книге М. А. Гулиной и Ф. В. Гулина «Травма военного детства (Блокада, эвакуация, оккупация): историко-психологическое исследование»[2] 2016 г., которая основана на долгом и пока исключительном анализе психологических последствий Ленинградской блокады, проводимого с 2005 года под управлением профессора СПбГУ и МГУ, доктора психологических наук М. А. Гулиной.

Книга содержит моральное, историческое и психоаналитическое исследование. Более чем 120 опросов переживших детские годы в блокадном Ленинграде. Задачами составителей были усовершенствование скрытой картины войны, в том числе Блокады Ленинграда, такой, как её примечали подростки и дети, а также исследование вероятных связей детского психогенного эксперимента с жизнью блокадников сегодня. В первый раз обсуждаются психологические результаты Блокады, как и воздействие психологического потрясения оккупации на последующих потомков.

Современная историческая наука делает акцент на героизме детей блокадного Ленинграда. В «Блокадной книге» А. М. Адамовича и Д. А. Гранина[3] посвящена целая глава детям. Исследования борьбы за спасение детей в блокированном Ленинграде драматизирует проблему военных переживаний детьми блокады, и возникают вопросы к проблеме необходимости обороны Ленинграда против гитлеризма и фашизма ценой таких жертв.

---

[1] Газиева Л. Л. Проблемы и противоречия использования опыта первой мировой войны по спасению детей в период Великой Отечественной войны // Вестн. Перм. ун-та. Серия: История. Пермь, 2015.

[2] Гулина М. А. Гулин Ф. В. Травма военного детства (Блокада, эвакуация, оккупация): историко-психологическое исследование. СПб., 2016.

[3] Адамович А. М. Гранин Д. А. Блокадная книга. СПб., 2017.

Проблеме материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941-1944 гг.) посвящены диссертационные исследования Е.О. Скрябиной и Л.Л. Газиевой[1]. В своих в с исследованиях они затрагивали историко-медицинский аспект и борьбу за спасение детей в блокадном Ленинграде.

Целью дипломной работы является выявить на основе анализа воспоминаний детей-блокадников и имеющейся научной литературы характерные повседневные практики горожан и стратегии выживания в условиях блокады города.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи:**

– рассмотреть повседневные практики детей, выявить их специфику военного времени;

– рассмотреть, какие предпринимались меры по спасению детей блокадного Ленинграда:

– проанализировать особенности детского труда и обучения в школах Ленинграда;

– отобрать психологические стороны повседневности (тревоги, цели, мечты) детей блокадного Ленинграда.

Данные цели будут осуществляться эффективно при наличии подобранной литературы, нормативно-правовой документации.

Источниковая база. Особую значимость для исследования представляют документы и материалы, а именно документы партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, промышленных предприятий, научных, культурных учреждений, отложившиеся за годы войны в делопроизводстве.

[1] Скрябина Е.О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941-1944): историко-медицинский аспект: автореферат диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02/Скрябина Екатерина Олеговна; [Место защиты: Санкт-Петербург, гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2008. – 147 с.; Газиева Л. Л**.** Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941-43 годах: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Газиева Людмила Леонидовна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2011. - 24 с.

Первые работы официальных документов, регламентировавших жизнь в блокадном городе, были изданы мелким тиражом ещё во время Великой Отечественной войны. Это был «Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени»,[1] который был выпущен в трёх тиражах в 1943-1945 гг. В 1944 г. был написана первая книга сборника документов и материалов «Ленинград в Великой Отечественной войне»,[2] подготовленный служащими Ленинградского института истории партии под редактурой С. И. Аввакумова. Вторая книга этого сборника, подготовленная К. Г. Шарикоковым[3] и включающая этап 1943-1944 гг., также затрагивала отдельные стороны жизни блокадного Ленинграда. Эти же нюансы затрагивались и в изданном в 1945 г. сборнике «Ленинград дважды орденоносный».[4]

Первой научной публикацией после «Ленинградского дела» по истории Ленинградской блокады стал вышедший в 1966 г. сборник документов «900 героических дней»,[5] подготовленный библиографами Ленинграда коллективно с сотрудниками Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В конкретном труде, возможно, выявить ведомость из отчёта Ленгорплана «Ленинград в период войны и блокады» о снабжении Ленинграда продовольствием, горючим, электричеством, о работе автотранспорта и бытовой помощи населению за период с июля 1941 г. по январь 1943 г.

Дальнейший сборник документов о блокаде Ленинграда появился лишь через 30 лет после выпуска сборника «900 героических дней – «Ленинград в

[1] Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени 1941-1942. Л., 1942.
[2] Аввакумов С. И. Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Том 1: 22 июня 1941 г. – 22 июня 1943 г. Л., 1944.
[3] Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза : сборник документов и материалов / Институт истории партии при Ленинградском горкоме ВКП(б), Филиал Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). Л., 1944.
[4] Ленинград дважды орденоносный. М., 1945.
[5] 900 героических дней сборник документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941-1944 гг. М., Л., 1966.

осаде».[1] Исключительный интерес в них представляют отчётные и делопроизводственные документы: распоряжения, указания, докладные записки, отчёты, касающиеся образования, детского здравоохранения, социально-экономического развития, работы детских домов, дошкольных организаций.

Документы, приложения, свидетельствовавшие о жизни детей блокадного Ленинграда, даны в работе Ломагина Н. А. «Неизвестная блокада».[2] Справка об эвакуации населения города Ленинграда, являвшаяся совершенно секретной на момент появления 28 августа 1941 г., показывает количество эвакуированных детей. Справка о численности населения городов Ленинграда, Кронштадта и Колпино также являлась совершенно секретной на момент появления 31 июля 1942 г.

Особое значение для исследования повседневности жизни ленинградских детей в период блокады имеет такая группа источников, как дневники, письма, воспоминания.[3] В них отражены все трудности военного времени, которые легли на хрупкие детские плечи. Особые условия блокады (голод, обстрелы, холод, отсутствие света и т. п.) не располагали рядовых ленинградцев к ведению дневников. Поэтому каждый из подобных документов приставляет чрезвычайную ценность. Естественно, что любой из них в отдельности не в состоянии объяснить то, что помогло ленинградцам выстоять, или дать какую-либо обобщённую картину пережитого. Публикация более откровенных записок и дневников, передававших ужасную истину о блокаде, до середины 1980-х гг. была очень осложнена. Если они и выходили, то со значительными сокращениями, потому что содержавшаяся в них информация, по их мнению, могла навредить сформированную самоотверженную картину жизни в блокадном городе.

[1] Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы ВОВ. 1941-1944. СПб., 1995.
[2] Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб., 2002.
[3] Дети города-героя. Сборник. / Сост. А.Л. Мойжес. Л., 1974; Жилинский И.И. Блокадный дневник (осень 1941 - весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996, № 5-10.

Ярким примером такого отношения стала получившая всеобъемлющий коллективный резонанс «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина.[1]

Начиная писать блокадные дневники, их создатели задумывались над их участью – одни адресовали их истории, другие записывали для себя. И всё же подавляющая часть тех, кто вёл дневники в блокадном Ленинграде, делали в них заветные записи больше для себя, а не для истории.

Таким образом, можно излагать о том, что в последние 20 лет произошёл прогресс в издании блокадных дневников, в том числе и детских, в итоге которого исследователи почерпнули новые полезные источники. Исследование их позволило значимо дополнить картину устрашающих будней блокадного Ленинграда.

В 2003 году издана «Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования». Истинное издание представляет итоги экспериментальных проектов Центра устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» и «Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» (2001-2003), предназначенных исследованию образа блокады Ленинграда в коллективном понимании населения города в послевоенное время.

Сборник «Школа жизни. Воспоминания детей блокадного Ленинграда» – это сборник рассказов от первого лица тех, чьи детские годы прожиты в блокадном городе. Проект «Непридуманные рассказы о войне» существует с марта 2005 года и растёт преимущественно силами любителей. Все сборники – это истории реальных участников эпизодов Великой Отечественной войны.

В 2015 году «АиФ» выпустил уникальную книгу, в которой были собраны дневники детей, оказавшихся в гетто и концлагерях, блокадном

[1] Адамович А. М. Гранин Д. А. Блокадная книга. СПб., 2016.

Ленинграде, в оккупации и на линии фронта, «Детская книга войны – Дневники 1941-1945».[1] Орфография авторов дневников сохранена.

Другую группу источников образуют газеты «Ленинградская правда»,[2] «Смена», «Фронтовой дорожник» и др. В данной работе они помещаются в самом минимальном количестве. Имеются лишь имеющиеся в газетах важные решения Ленгорисполкома, обращения к населению и другие принципиальные документы, без которых освещение истории Ленинграда в годы войны было бы неполным.

Методологическая основа исследования. В качестве фундаментальных научных тенденций для анализа повседневной жизни детей были отобраны история повседневности и микроистория. Применение методологического потенциала этих тенденций во взаимосвязи допускает осуществлять исторический анализ, воспроизводя общественные практики детей на микроуровне, проанализировать их «изнутри» выявить присущую им специфику.

История повседневности – новейшая область исторического знания, целью исследования является сфера человеческой повседневности во множественных историко-культурных, политико-событийных, расовых и религиозных контекстах. В центре внимания истории повседневности – полноценное изучение периодического, обычного и обыденного, проектирующего образ жизни у представителей различных общественных слоёв, включая эмоциональные отзывы на важные явления и мотивы действий.

Благодаря возможностям микроистории мы расширяем исследование «сферы детской повседневности», которая предполагает рассматривать не только «рядовые», многократно повторяющиеся явления, но и личные,

[1] Детская книга войны дневники 1941-1945. Москва, 2015.
[2] Ленинградская правда: общественно-политическая газета. [Электронный ресурс] // Газеты в сети и вне её: http://nlr.ru/res/inv/ukazat55/record_full.php?record_ID=137681 (дата обращения: 16.04.2019).

непроизвольные и редкие случаи, которые воздействовали на повседневную жизнь детей, временами становясь обыденными.

Сравнительно-исторический метод даёт шанс рассматривать условия детей из различных социальных групп и произвести исследование трансформаций повседневных явлений военного времени.

Среди методов сбора и обработки нарративных источников основное место выделено устной истории, содержит методы интервьюирования для сбора материала, а также последующую интерпретацию. Использование устных источников даёт возможность передать понимание жизни самими детьми, отобразить то, чего не могло быть в официальных правительственных документах.

Применение визуальной антропологии увеличивает шансы историка, так как фотоснимки, помещённые в контекст исследуемого периода, помогают создать беспристрастную картину того времени.

Научная новизна выпускной квалификационной работы заключается в комплексном анализе и реконструкции условий жизни детского населения блокадного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, раскрытии проблем, с которыми столкнулись дети, и их решении посредством применения анализа обширного количества разноплановых источников.

Практическая значимость заключается в возможности применения фактического материала, основных выводов и положений ВКР для подготовки обобщающих научных трудов по истории России и истории повседневности, а также для разработки и проведения учебных курсов по отечественной истории в школе.

Апробация работы. Основные положения и выводы исследования докладывались на всероссийской конференции в г. Пенза: XX Всероссийская научно-практическая конференция «Лебедевские чтения» (секция «История России (1917 – начало XXI в.)», тема работы: «Блокада Ленинграда в детском

восприятии», дата проведения: 17 апреля 2019 г. Работа заняла 2 место в секции «История России (1917 г. – начало XXI в.)».

Структура дипломной работы. Введение раскрывает актуальность, объект, предмет, цель, задачи, методы исследования, научную новизну, раскрывает теоретическую и практическую значимость работы.

В первой главе рассматривается повседневность детей в условиях блокады по воспоминаниям очевидцев тех событий.

Вторая глава посвящена практической части, проведение внеклассного мероприятия на тему «Дети блокадного Ленинграда».

В заключение подводятся итоги работы, производятся выводы по проделанной работе.

Глава 1. Повседневная жизнь детей Ленинграда военного времени и восприятие экстремальных условий блокады

1.1. Детский быт Ленинграда

Начавшаяся война значительно изменила повседневный уклад Ленинграда. В самом её начале немногие из жителей города представляли себе высокую степень опасности, нависшей над государством, над Ленинградом. Большая часть населения полагалась на скорую капитуляцию немецко-фашистской армии и быстрое завершение войны. Между тем с каждым часом ухудшавшееся состояние на фронте, в частности под Ленинградом, запрашивало быстрого преобразования всей жизни, и работы Ленинграда согласно условиям военного времени. С сентября 1941 г. наступила почти 900-дневная блокада города, где на тот момент осталось 2 млн. 544 тыс. гражданских жителей, из них около 400 тыс. детей.

Быт блокадного Ленинграда зимой 1941/42 г. не поддаётся описанию. Не работали практически все бани и прачечные, в магазинах отсутствовала обувь, одежда, хозяйственные товары. Комнаты освещались коптилками и лучинами, а прогревались печками-времянками, от которых были закопчены не только стены и потолки, но и лица людей. У водоразборных колонок и проталин стояли протяжные очереди за водой. Несчастья состарили ленинградцев, даже юные выглядели стариками. В эти зимние дни истощённые блокадники, облокачиваясь на трости, экономя всякое передвижение, перемещались по заваленным снегом улицам. Оступившись, человек нередко уже был не в силах встать. Улучшению бытового состояния жителей большей частью содействовали санитрано-бытовые комитеты, основанные в феврале 1942 г. при каждом домоуправлении по намерению Горкома партии. В марте 1942 г. в Ленинграде действовало 2559 санитарно-бытовых комитетов, 624 кипятильника, 123 домашних бани и 610 домашних

прачечных.[1] Трупы убирали не каждый день, и приходилось ходить мимо них, а иногда перешагивать через них, уже не обращая на это никакого внимания. Это ещё одна черта блокадного быта.

Санитарное состояние города вызывало опасение. Нависала опасность возникновения эпидемий. Всю зиму из замёрзших домов нечистоты не вывозились, ими были забиты не только квартиры, но и дворы, улицы, переулки. Из окон лестничных клеток сосульками свисали отбросы. Не из всех мест были убраны трупы. 25 марта 1942 г. вышло постановление Ленгорисполкома о санитарной очистке города и о привлечении к этой работе всего населения.

Дети блокадного Ленинграда выживали в тяжёлых условиях наравне со взрослыми. Участие детей в домашнем быте стало неотъемлемой частью жизни. Повзрослевшие, увидевшие смерть, голод и жестокость, они продолжали жить и помогать своим близким.

Детские дневники, найденные и опубликованные, были посвящены трагическому бытию тех дней, подробностям быта семьи и горожан в экстремальных условиях блокады. Детские эго-документы, написанные синхронно событиям, отражают социально-культурные практики. Маленькие авторы описывали, что творилось в очередях, хлебных магазинах, в домах, у соседей, на лестнице и улицах, т.е. фиксировали лишь самые простые, повседневные факты. В личных источниках нет героизма, зато есть подлинное ощущение трагедии жителей города, пытающихся выжить изо всех сил.[2] Так, например, воспоминания Л.Е. Ефремовой позволяют понять, как без запасов продуктов питания, тепла, ценностей блокадники выдержали голод и выстояли в тяжелейших условиях.

Дочке защитницы Ленинграда Лидии Ефимовны Агафоновой было тринадцать лет. Не по годам вытянувшаяся, худенькая девочка. Она училась

[1] Непокарённый Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич. 2-е изд. Л., 1979. С. 164-165.
[2] Забвению не подлежит: сборник. СПб., 2015. С. 6.

в шестом классе. Настал день, когда занятия в школе прекратились. Но без труда, непрерывного, постоянного труда, нельзя было выжить. Те, кто забывал об этом, уходили из жизни первыми.

Самым страшным днём был тот, когда, вернувшись домой с работы, Лидия Ефимовна застала дочь в постели. Она стала её тормошить, поднимать, а та сказала: «Мамочка, оставь меня, мне так хорошо, я ещё полежу…». Лидия Ефимовна её всё-таки подняла и заставила натирать пол, правда без мастики. На девочку были возложены обязанности по хозяйству, нелёгкая задача хождения в булочную. Подросток надевала большие мужские валенки, заворачивалась до самых бровей в плед. И вот так шла, зажимая в кулачке драгоценные хлебные карточки. Выстаивала часами в очереди в тревожном ожидании: привезут – не привезут.

И она приносила хлеб домой со всеми довесками. Лена никогда и к кусочку не притрагивалась. Примечательно было и то, что из своего скудного пайка она скопила несколько сухариков ко дню рождения матери.

Ну а потом Елена пошла работать. И делила своё время между домашними хлопотами, работой и дежурствами – была связной у ворот дома. Наградили почётной медалью «За оборону Ленинграда».[1]

Истинному ленинградцу как никому другому было жаль сжигать книги. Почти в каждом дневнике, которые вели дети, описаны переживания по этому поводу. Но это был способ выживания, и детское восприятие это признавало. Так, например, когда началась, война Михайлову А. было 12 лет. В его семье топили печку, чем попало. Больше всего было жаль книги, небольшая стопка которых исчезла с этажерки. А потом исчезла и сама этажерка.[2]

С началом войны все полки в магазинах опустели. К концу сентября 1941 г. закрылись последние магазины. На рынке между рядами безмолвно

[1] Маграчёв Л. Е. Репортаж из блокады. Л., 1989. С. 141-142.
[2] Память письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 357.

стояли ленинградцы. Как правило, женщины. Каждый уже что-нибудь обменивал, и только на хлеб.

В 1941 г. Рожкову Александру шёл четырнадцатый год. Он перешёл в седьмой класс. Жил Рожков Саша с родителями. 20 ноября 1941 г. в комнате они поставили буржуйку. Положили набок табуретку, на неё кирпичи. Соорудили топку. Поверх накрыли листом металла с дыркой посредине. Когда родители уходили, Саша варил обед. Холод был страшный. 22 декабря 1941 г. Саша в своём дневнике записывал: «Когда вытапливаем буржуйку, температура близ неё не поднимается выше +7 градусов по Цельсию». В квартире они жили одни. Остальные жильцы давно эвакуировались. Электричество ещё было. Но дров нет. За водой Саша ходил в сад «Олимпия». Длинная очередь к проруби. Обратно, с ведром и бидончиком, Саша останавливался каждую минуту. На лестнице было темно. Все ступени залиты водой. Лестница в их доме превратилась в каток. Во дворе ледяная громада из нечистот.

Быт, в котором жили дети Ленинграда, был скудным. Но они не сдавались, придумывали, как согреться, как приготовить еду, как добыть воды. Всё это делали дети, голодные дети, при постоянных налётах.

При описании блокадного быта стоит упомянуть, какие условия жизни были в детских стационарах. Лазарь Борисович Ратнер родился в 1932 г. в Ленинграде. На момент начало войны ему было 9 лет. В январе 1942 г. его положили в детский стационар. В этом стационаре он пробыл около месяца. Кормили скудно, но три раза в день. В дневнике 10-летний Лазарь писал: «Было тепло. По-моему, в этом и состояло всё лечение. Однажды недалеко от меня разговаривали два врача, хорошо помню, как один из них сказал: «Сейчас в нашем районе погибает 35 тыс. человек ежедневно».

Бани начали действовать со второй половины февраля 1942 года. К 15 марта их количество дошло, согласно официальным отчётам, до 25, но в записях блокадников фигурируют только некоторые из них, которые

работали в это время. Имелось достаточно бань, которые действовали всего несколько дней и закрывались по причине недостатка воды и топлива – но они также отражались как работающие в официальных показателях.

В первой половине 1942 г. как правило, в баню приходили по талонам, выданным заводам и организациям. Как правило, бойцы МПВО и санитарных отрядов отвозили в баню истощённых людей и мыли. Оказаться в бани в марте 1943 г. удавалось не каждому, этим пользовались сотрудники бани, вымогая взятку у тех, кто желал вымыться, но не имел на это преимуществ. Кого-то удавалось ловить за руку, впрочем, так же делали все оказавшиеся на их месте.

В бане, как правило, имелись женские и мужские отделы, а когда одно из них не работало, то вводились «женские» и «мужские» дни. Какой бы трудной ни представлялась жизнь, люди пытались всё же не переходить границ этикета, хотя они к весне 1942 г. стали относительными.

Если в марте 1942 г. в банях ещё было прохладно, то с апреля состояние изменилось, как глобально подчёркивали жители блокадного Ленинграда, стало теплее, аккуратнее и чище, а мытьё являлось восхитительным. С конца весны 1942 г. открывались при банях ларьки, где было позволено приобрести небольшой кусок мыльца. Бани, где в первый раз за пару месяцев посчастливилось вымыться жителям блокадного города, порой называли «дистрофическими». Так, например, Феликс Ржаксинский писал в своём дневнике: «По вечерам, когда вся семья была в сборе, родители сообщали друг другу новости. Однажды папа рассказал об открытии бань. Но все они были далеко от нас. Мы туда добраться не могли, и поэтому посещение бани пришлось отложить до того момента, когда сможем поехать туда на каком-нибудь транспорте».[1] Из этого отрывка можно выделить, что работали бани. Это многое значит, люди, несмотря на голод,

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду. / Н. К. Новиков. Л., 1988. С. 83.

не забывали о своих потребностях и отводили этому много сил и времени. Власть Германии предполагала, что Ленинград может пасть не только от голода, ну и от инфекционных заболеваний, вызванных антисанитарией.

Проблема решалась местным домоуправлением путем размещения бань в прачечных. В дневнике Лазаря, как и во многих детских дневниках, описан первый трамвай. Для детей, особенно младшего возраста, это было что-то новое. Это случилось в конце мая 1942 г. Раздавались громкие незнакомые звуки. Дети детдома бросались к окну: по Дворцовому мосту шёл трамвай. Сбежались взрослые, эти два красных вагона, медленно идущие по мосту, явились чудом возрождающейся жизни, вызвали слёзы радости. Такие обычные до войны вещи вызывали слёзы.[1]

Блокадный город многократно обстреливался. Из-за угрозы бомбардировки школьные занятия часто проходили в бомбоубежище, о чем в дневнике писал юноша М. Тихомиров, звеньевой противопожарного школьного звена. Он же отмечал постоянный холод во всех помещениях из-за нехватки горючего. Из-за отключения электричества подросток страдал, также как и другие дети от нехватки света в темные часы и, как правило, ранний отход ко сну от бессилия и темноты. Особой радостью было решение вопроса с источником тепла. Миша писал 20.12.1942 г. «Привезли к школе пять печурок. Потом, погрузив на санки одну, оставленную для папы, поехали втроём домой. Мама страшно обрадовалась: печурка чугунная, цилиндрическая, вес приблизительно – 4-4,5 пуда. Приладили, к ней самоварную трубу затопили. Результат – великолепный. В комнате сразу стало теплее. У мамы – тоже удачно: она достала 200 г бомбошек. Сейчас это очень выгодные конфеты»[2].

Данные дневники показывают всю суть быта того времени. Картина была и правда унылой и мрачной. Люди добывали печурки, кололи дрова,

[1] Ратнер Р. Вы живы в памяти моей [Воспоминания блокадного мальчика] //Сб.: Нева. 2002, №9. С. 145-149.
[2] Дети военной поры, издание второе, дополненное. М., 1988, С. 72-82

выживали, как могли. Общая картина в городе уже в 1941 г. была явно тяжёлая.

Таким образом, голод, обстрелы, сильные холода, отсутствие электроснабжения Ленинграда все это усугубляло положение жителей и являлось причинами увеличения смертности блокадников. Так, по данным статистики выработка электроэнергии составляла 15 % от довоенного уровня. В городе не отапливались дома, прекратилось водоснабжение, не работала по этой причине канализация. По этим же причинам была затруднена организации труда на предприятиях, если даже рабочие добирались до места работы, то парой из за отсутствие электричества оборудование не работало, что привело к остановки работы на многих заводах.

По причине дефицита электроэнергии и многочисленных разрушений соединительной сети прекратилась деятельность Ленинградского электротранспорта, в первую очередь трамваев. Это явление было зафиксировано как первенствующее обстоятельство, способствующие росту смертности.

Враги истязали Ленинград, самих ленинградцев голодом. Матерей пытали состраданием к умирающим детям и супругам, а бойцов – состраданием к матерям, жёнам, детям, надеясь, что дрогнут жители Ленинграда, распахнут врата города. Гитлер так пояснял германцам и миру неожиданную приостановку с Ленинградом: «Ленинград мы не штурмуем в данный момент осознанно. Ленинград выжрет сам себя».[1] Атаки тем временем следовали один за другим. Включая и наиболее ужасный штурм – голод.

Таким образом, потребности детей быстротечно сужались, сосредотачивались, акцентировались на пище, тепле, воде. Условия блокады

[1] Кузинец И. М. Идёт война народная: (к 70-летию полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады). СПб., 2014. С. 36.

не давали приспособиться. Паровое отопление не срабатывало, а печурок во многих жилищах уже не было. Ведро воды, равносильно, как и полено, становилось затруднением неоднократно сложной, а время от времени неосуществимой. Разумеется, сужался круг интересов, детских нужд. Но те нужды, что сохранялись, получали ценность, мощь, какие не имели в мирное время. В числе уцелевших и усилившихся не только нужда в хлебе и в тепле «буржуйки». Но и в тепле соучастия. Никогда в жизни так не нуждался ребёнок в поддержке, помощи, и никогда его помощь так не нужна была кому-то иному, как в дни, месяцы, годы Ленинградской блокады.

1.2 Досуг детей блокады

Не надо забывать, что дети блокадного Ленинграда, несмотря на свой опыт, оставались детьми. Более тяжёлого детства представить невозможно. Но они пытались развлечь себя, отвлечься от мыслей о еде. Досуг их был примитивным, книги в основном сжигали, в дневниках отражено, как дети трудно переживали потерю книг. Маленькие дети забавлялись в свои игрушки. В основном же детей интересовало только одно – еда. И благодаря детскому досугу они отвлекались от навязчивых мыслей.

Лазарь Ратнер, 9-летний мальчик, оказался в детдоме. Никаких игрушек и даже книжек там не было. Ребята, правда, устраивали разные игры в войну с потасовками, но Лазаря эти игры не привлекали. Чаще всего мальчик, сделав уроки, стоял у окна и смотрел на падающие листья, облака, дождь.[1] Девятилетний ребёнок смотрит в окно на падающие листья, вместо того, чтобы играть в войну. Сомнительное развлечение, но дети блокады любили этим заниматься, для них это был досуг. Активные игры забирали много сил.

[1] Ратнер Р. Вы живы в памяти моей [Воспоминания блокадного мальчика] //Сб.: Нева. 2002. №9. С. 151.

Юрию Петровичу Платонову на момент начала войны было 9 лет. Он помогал взрослым, потому что все работали. Отец ушёл на фронт. Мать находилась круглосуточно на заводе, бабушка уследить за ребёнком не могла. Их с другом озорниками называли. Все чердаки были их. И как только раздавался сигнал воздушной тревоги, друзья тотчас забирались на чердак и наблюдали, что в небе происходило и что на земле. С крыши всё хорошо было видно.

Однажды – это было осенью сорок первого года – друзья играли во дворе в футбол. И вдруг к ним подбежал милиционер, ещё двое военных и сказали, что в этом доме скрылся человек, которого нужно срочно задержать.

Разумеется, мальчишки знали все ходы и выходы на чердаках. И быстро разбежались. Юра с кем-то из приятелей занял пост на одной лестнице, а преступник спустился по другой. Он не попал на чёрный ход. А мальчишки, которые упоминаются здесь, – Слава Мартынов и Володя Чухлов – его увидели. Он как раз сходил по лестнице, пытался Славу Мартынова ударить и убежать. Но ничего не вышло. Ребята выскочили за ним во двор и закричали: «Держи его!». Мальчишки всей толпой двинулись вдогонку и схватили этого ракетчика, который подавил сигналы с дома…[1]

Вот так развлекались девятилетие мальчишки в войну. Только за этот поступок они заслужили медаль.

Из дневника Куликовой Татьяны, у которой есть 7-летний сын и мама также можно найти несколько примеров досуга детей блокады. Наступил 1942 год. Бабушка дежурила связной у телефона в жилой конторе, а сын находился вместе с ней. Помогал, ей убирал снег во дворе. Вдруг пришла какая-то женщина, увидела его и дала ему билет на ёлку, которая проводилась на Звенигородской улице. На ёлку пришли голодные, истощённые детишки, которые сразу же встали в очередь за обедом, являвшимся лучшим подарком. Им дали суп с чёрненькими макаронами, на

[1] Маграчёв Л. Е. Репортаж из блокады. Л., 1989. С. 144.

второе – по ложке белой вермишели и кисель из марганцовки с сахарином. Этот обед остался в памяти на всю жизнь. Сколько в этой семье было радости, рассказов! Татьяна не помнила точно, где проводилась эта ёлка, но в своём дневнике записала такую фразу: «До земли им поклон – организаторам этого блокадного детского счастья!».

Но вопреки немыслимым неприятностям молодое поколение блокады не оставили свои былые увлечения: кто-то лепил из глины, кто-то занимался рисованием, примерно все читали. Так, например, четырнадцатилетнего Вову Яковлева в 1943 году приняли в комсомол. Была в училище тогда и художественная самодеятельность, выступали в госпиталях, на кораблях. Вова читал стихи Симонова и Берггольц.[1]

С первого дня войны четырнадцатилетний Саша Рожков вёл подробный дневник. Помимо дневника, Саша стал зарисовывать и военные дела на фронте, о которых передавали по радиостанциям. С пером в руках заслушивал донесения Совинформбюро, и все явления набрасывал на тетрадных листах. Рисовать продолжал всю зиму при свете коптилки, когда в комнатах было, ниже нулевой отметки и вода в стакане замерзала. С наступлением тёмных вечеров Саша с семьёй стали бродить по улицам с круглыми фосфорными кружочками, приколотыми к одежде, чтобы не натыкаться друг на друга. Постановщики фильмов о блокаде, к сожалению, об этой детали забывают.[2]

В эти трудные для Ленинграда дни, продолжали действовать театры и кинотеатры, радиостанции и читальни, была открыта филармония. Продолжали свою культурную деятельность стихотворцы, литераторы, музыканты и живописцы. Следует более подробно затронуть тему искусства. В дневнике Саши Рожкова была написана следующая история. В начале 1942 года из Москвы специальным рейсом прилетела к семье Саши Рожкова

[1] Память письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 340, 345.
[2] Маграчёв Л. Е. Репортаж из блокады / Л. Е. Маграчёв. Л., 1989. С. 47-48.

мамина родственница Марина Николаевна Гриценко. Решалась задача безопасности ценнейших собраний Ф. Ф. Нотгафта, издательского руководителя, коллекционера, большого друга Кустодиева и многих живописцев. В его доме на улице Герцена, 14, кроме большого собрания живописи и иных творений искусства, находилась редчайшая библиотека. На протяжении долгого периода он выписывал, чуть ли не все русские и западноевропейские периодические сборники по искусству. Выписывал в двух экземплярах: один вышивал и в отдельных папках находил сходные иллюстрации по способам печати. Глубокие знания Нотгафта в части отбора технических способов изготовления художественных репродукций были решающими для издательств и художников, работающих в области графики.

Ф. Ф. Нотгафт руководил издательством «Аквилон», работал художественным редактором Госиздата, а затем ИЗОГИЗа. После революции его жилплощадь с редчайшими собраниями была сохранена особым распоряжением В. И. Ленина. В начале войны Нотгафту предложили эвакуироваться, но он остался в городе, получив на это согласие А. А. Жданова.[1]

С начала января о Нотгафте не было новостей. Переночевав у Рожковых, Марина Николаевна пошла на улицу Герцена. Во дворе нашла дворника и узнала – больше недели жену Нотгафте не наблюдали. С дворником зашли в квартиру. Образцовая чистота в комнатах. Поразило, что везде прибрано. Картина необычная для блокадного Ленинграда. Полы натёрты. На окнах белые занавеси, шторы. Скатёрки накрахмалены. В вазах букеты бумажных цветов. И – безлюдно. Когда подняли верх большой, почти квадратной софы, накрытой ковром, увидели: утопая в блестящих бумажных цветах, как в саркофаге, лежал Фёдор Фёдорович. Позже обнаружили и жену.

[1] Скоков А. Г. На всех была одна судьба: к 70-летию освобождения Ленинграда от вражеской блокады / А. Г. Скоков. СПб., 2013. С. 53.

Любовно организовав последнее пристанище скончавшемуся от голода мужу, она убрала квартиру и повесилась за притолкой двери.

В начале июня Саша и весь его класс поехали с Финляндского вокзала за город. Именовались эти поездки оздоровительные. Ощущение от первой ошеломило весь класс. Как будто все увидели первый раз в жизни. Разве так может быть? Ни бомбёжек, ни разрывов. И в этой непривычной тишине поют птицы. В своём дневнике Саша написал следующее: «Может, и нет войны? Всё только какой-то ужасный-ужасный кошмар? И мы снова очутились в таком обычном, ближнем и в то же время таком далёком детстве».[1]

В дневнике Миши Тихомирова приведены примеры проведения досуга. 10 декабря 1941 года он записал: «Затоплен камин. Сейчас будем греться, пить кофе, читать вслух. Настроение бодрое. Ждём газет с подробностями боёв за Тихвин. Дневник я теперь пишу, как только дают свет, то есть после 5 часов». 12 декабря: «Сейчас мы втроём сидим и читаем. Скоро пойдём спать».

А вот как Миша описывает свой день рождения 21 декабря: «День рождения прошёл великолепно. Я получил замечательный коллективный подарок: альбом для рисования и великолепно изданную книгу «Античное и новое искусство» с замечательными репродукциями творений великих мастеров. Потом начался обед, состоящий из двух тарелок густого супа с капустой, каши из разваренных бобов сои с лапшой (кажется, никогда не ел такой вкусной!), кофе. К кофе было выдано по кусочку варёной почки, тресковых консервов, хлеба, мёда. Из всего этого каждый состряпал десяток миниатюрных бутербродов и с наслаждением, медленно съел. Кроме того, ко сну мама выдала по нескольку конфет. Организм почувствовал сытость. Камин не топили, так как великолепная печечка очень сильно нагрела

[1] Рожков А. Живу и помню: Из воспоминаний о блокаде Ленинграда // Нева. Л., 1988. №1. С. 185-190.

комнату». Данное описание дня рождения показывает, что для ребёнка блокады главным на своём дне рождения были даже не подарки, а угощения.

В декабре 1941 года в городе оставались 400 тысяч детей. Они на равных условиях с взрослыми ощущали недоедание и холод первой зимы блокады, жуть от нескончаемых бомбёжек Ленинграда. Отнимать у них в такое безжалостное время ещё и новогоднее торжество было бы кощунством. В Ленинград завезли тысячу ёлок и елей. А по озеру Ладога шофёр Максим Твердохлеб под бомбёжкой неприятельских штурмовиков (его автомобиль получил 49 пробоин) переправил с Большой земли мандарины.[1] Следует обратить внимание на то, как проходило празднование Нового года на примере семьи Миши Тихомирова. 31 декабря: «Папа пришёл с дежурства с радостной вестью: наш десант высадился в Крыму, занял Керчь и Феодосию и громим немцев. Сегодня празднуем Новый год. К вечеру над столом укреплю медный кронштейн с лампой (ниже старого). Настроение у всех хорошее, у меня хорошо окрепли ноги. Мама ушла пешком (трамваи не ходят) в школу – надо получить карточки на новый месяц».

1 января: «Двадцати пяти градусный мороз. Сводка хорошая: нами заняты Калуга и Кириши. Получили новые карточки. Вчерашнее празднество прошло хорошо: на столе «великое обилие яств», настроение замечательное. Легли спать рано».

3 января: «На сегодня была назначена ёлка для учащихся со спектаклем в Большом драматическом театре и обедом. Когда пришли туда, то узнали, что ёлка переносится на 7-е число. Буду работать с микроскопом. Вот только дали бы свет».

7 января: «К одиннадцати часам пошли в театр. В сильном холоде посмотрели «Дворянское гнездо». Потом – обед. При впуске в столовую величайшая толкотня и беспорядок. Обед: крошечный горшочек супа,

[1] Страницы блокадного детства: сборник воспоминаний юных жителей блокадного Ленинграда. Владимир, 2014. С. 60.

граммов 50 хлеба, тоненькая котлетка с гарниром из пшена и немного желе. Хлеб и котлеты принесли к вечернему пиру: предполагается каша из «ржаной» муки».

8 января: «Вчера вечером по моей просьбе мама достала у Юры остатки докторского микроскопа (штатив и труба). Микроскоп этот не похож на наши; сделан, кажется, в Лондоне». Миша Тихомиров держался храбро, у него был интерес к книгам, микроскопу, он интересовался каково положение на фронте. Несмотря на войну, досуг его был разнообразен.

Новогодние ёлки, как было сказано выше, были одним из так называемых развлечений детей Ленинграда. Из дневника Феликса Ржаксинского: «Новый, 1943 год мы встретили всей семьёй дома. После нового года начались зимние каникулы. В январе все школьники побывали на новогодних ёлках. Ёлки устраивали в школах, ремесленных училищах, детских садах, в рабочих клубах и детских столовых. Все получили подарки».[1]

В дневнике Юры Алянского найдена интересная история. Автор дневника рассказывает про занятия танцами в блокадном Ленинграде. Нелли Раудсепп, Валя Лудилова, Геннадий Кореневский, Вера Мефодьева, Валя Клейман – с данными ребятами произошло волшебство. Вследствие ужасной – первой – блокадной зимы всех их нашёл Аркадий Ефимович Обрант, в прошлом балетмейстер Ленинградского Дворца пионеров.

В саду, смерзшиеся и занесённые снежным покровом, лежали мертвецы – не хватало сил хоронить всех. В непревзойдённых залах прежнего Аничкова дворца, где до войны шумели стихотворцы и астрономы, физики и танцоры, ныне звучало глуховатое звучание шагов. В политотделе 55-й армии, оборонявшей Ленинград, старшему лейтенанту Обранту, командиру агитвзвода, дали приказ отыскать солдат, умеющих танцевать.

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду. / Сост. Н. К. Новиков. Л., 1988. С. 94.

Своих прежних воспитанников Аркадий Ефимович отыскал уже ослабленными: они еле передвигались, еле шевелили языком. В этом положении Обрант довёз их до места расположения армии, в деревне Рыбацкое, практически на фронт. Ансамбль приступил к репетициям. Настал день первого фронтового выступления – 30 марта 1942 года. Их безжизненные лица производили тягостное чувство. «Нет ли у кого-нибудь губной помады?» – задал вопрос Обрант. Губная помада отыскалась. На щёчках девчонок показался лёгкий румянец.[1]

На сцену заполненного зала местной школы выбежали Нелли Раудсепп, Валя Лудинова, Геннадий Кореневский и Феликс Морель. Но в один момент произошла неожиданность: пустившись вприсядку, Гена не сумел подняться. Нелли мгновенно подала ему руку и помогла подняться.

Девушки, сидевшие в зале, – доктора, медицинские сёстры, санитарки – не раз видели кровь, раны, терзания. Глядя на данный танец, плакали.

В скором времени танцевальная группа агитвзвода стала называться танцевальным ансамблем под управлением А. Е. Обранта. Танцевали в шатрах медсанбатов. Натянув ранцы, забитые костюмами и обычным инвентарём, исходили пешком дороги прифронтовой полосы.

Изредка танцевали даже без мелодии – на самых передовых участках фронта, где всякий шум свободно достигал неприятельских укреплений. Неслышно было стука каблуков – землю застилали сеном.[2] Танцевали и на платформе бронепоезда. Эти выступления под огнём бойцы воспринимали как лучшее доказательство всех из побед. И кто знает, сколько снарядов и пуль было послано чётко в цель с мыслью о детях, которые танцуют на краю окопа! Их программа была широка: «Яблочко» и «Танец татарских мальчиков», грузинский «Багдадури» и цыганский танец.

[1] Адамович А. М. Гранин Д. А. Блокадная книна / А. М. Адамович, Д. А. Гранин. СПб., 2017. С. 75-76.
[2] Архангельский И. В. Детство во время войны // Ровесники: Немцы и русские. СПб., 2015. С. 9-12.

В начале лета 1944 года ансамбль отправился в столицу, чтобы принять участие в антифашистском слёте молодёжи и выступить с концертом в Колонном зале Дома Союзов. Предстояло продемонстрировать своё искусство на столичной сцене. Когда на сцену Колонного зала выбежали подростки в военной униформе с новыми медалями «За оборону Ленинграда», зрительный зал встал. В столице они выступали больше чем в 30-ти концертах, в том числе на сцене Театра Красной Армии. Поездка в столицу принесла им популярность.[1]

В День Победы обрантовцы выступали на Дворцовой площади. Ребята танцевали на возвышенной трибуне посреди громадной толпы, запрудившей площадь от края до края.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что во время блокады дети не только занимались чтением книг, рисованием, но проводили свой досуг, занимаясь танцами, при этом выступали при опасных условиях. Интересовались не только танцами, но и музыкой. В Ленинграде 15 тысяч детей получили медаль «За оборону Ленинграда». И среди награждённых ребят достаточно тех, кто песней, слогом поднимал дух солдат. Кто удостоверился в честности слов Суворова: «Музыка удваивает, утраивает армию. С распущенными знамёнами и громогласной музыкой я взял Измаил».

В Ленинграде существовала группа ребят, которые всего за 6 месяцев составили биографию 210 музыкантов и композиторов. Сколько же они исходили жилых контор, целевых столов, архивов, сколько написали запросов и уведомлений! Родственников павших композиторов искали по нереальным приметам: форме окна, нарисованному по памяти изображению кафеля, которыми был облицован парадный вход. Об одном музыканте было ведомо лишь то, что его родственница дружила с сотрудницей галантерейного магазина. И вот десятки магазинов, нескончаемое число

[1] Блокада Ленинграда. Дни и годы / В. М. Ковальчук, А. Н. Чистиков. СПб., 2003. С. 101.

повторенного вопроса и, в конце концов, фортуна: узнали, что в помещении магазина теперь кондитерская. Та, которую искали, давно скончалась. Но они нашли её приятелей.

Их было 210. Множество погибли в Ленинграде, множество стали общеизвестными музыкантами. Но едва ли не самыми вдохновляющими оказались жизнеописания – однако, можно ли назвать так свидетельства десяти, двенадцатилетней жизни Андрея Крюкова, Геры Окунева. Гера написал тогда сборник песен, посвящённых Ленинграду. Ребята давали концерты в лазаретах, на корабельных палубах, выступали по радиостанции. Дети, сами раздобывшие из глубины истории Ленинграда такую истину, не могут вырасти безразличными людьми.[1]

В январе 1942 г. в школах были объявлены каникулы. В школах, театрах, концертных залах для детей были подготовлены новогодние ёлки с подарками и обедом. Одна из школьниц писала об этой новогодней ёлке: «6 января. Сегодня была ёлка, и какая великолепная! Обед был замечательный. Эта ёлка надолго останется в памяти»[2]. Ленинградская преподавательница довольно чётко заметила, что «надо быть ленинградцем, дабы оценить всю заботу о детях, которую в это время проявили и партия, и правительство, надо было быть учителем, чтобы понять, что дала ёлка детям».[3]

Встреча нового 1944 г. была более благоприятной. Самая большая ёлка была установлена в концертном зале Дворца пионеров. Она зажглась в 6 часов вечера. Дед Мороз встречал юных гостей. Эстрадный оркестр, танцы, игры, веселье во всех комнатах… 110 тысяч праздничных подарков получили ребята в школах, детских домах, детских садах Ленинграда и освобождённых районов.[4]

---

[1] Дети военной поры, издание второе, дополненное. М., 1988. С. 72-76.
[2] Ползикова-Рубец К. В. Они учились в Ленинграде. Л., 1954. С. 73.
[3] Раскин Л. Е. Советская учительница. Л., 1943. С. 16.
[4] Бобкова Л. М. Кошмарные дни блокады // Породнились Нева с Волгою: Ярославское эхо блокады. СПб., Ярослав, 2013. С. 116.

Одной из особенностей Ленинграда была работа кинотеатров в осаждённом городе. Кинотеатры в Ленинграде показывали художественные кинофильмы и достоверную хронику, которая была для жителей неповторимым выпуском новостей. Киножурналы повествовали о явлениях в иных районах и об актуальных вопросах, которые поднимаются перед блокадным городом и всей страной. Кино пользовалось внушительной славой у жителей, в том числе у детей, невзирая на окружение, но качество сервиса в заведениях культуры временами провоцировало осуждение со стороны разборчивых горожан. Так, например, в дневнике Феликса Ржаксинского присутствуют примеры работы кинотеатров: «День за днём воскрешал город. Мама оповестила, что начал работать Театр музыкальной комедии, то говорила об открытии кинотеатра «Молодёжный», где демонстрировали фильм «Разгром немецких войск под Москвой». Мама обещала, что при первой же тёплой погоде на улице мы непременно туда пойдём. Но как, то мой друг Алик однажды после уроков мне сказал:

– Ты смотрел «Старый двор»? Мировой фильм! Пошли?

Денег у меня не было, да и про такое кино я не слышал.

– А где оно идёт? – спросил его просто так, без всякой надежды попасть туда.

– В «Новостях дня», – ответил Алик. – Пойдём!

– У меня денег нет, – уныло сказал я.

– У меня тоже, зато у меня есть знакомый киномеханик, – сообщил Алик.

Такой случай нельзя было упускать, и мы сбежали с «продлёнки». Действительно, когда вошли во двор дома, где находился кинотеатр «Новости дня», Алик поднялся по лестнице в будку киномеханика. Пробыл там недолго. Вскоре мы сидели в зале и несколько раз подряд посмотрели «О боях на фронтах», «Приговор народа» и «Старый двор» с участием Карандаша (Румянцева). В то время в «Новостях дня» кино крутили без

перерывов. При смене ленты люди входили, выходили, а можно было сидеть хоть весь день – никто тебе ничего не скажет. Мы и сидели, пока не почувствовали, что очень поздно. Дома нас уже хватились, и, когда мы пришли, нам досталось «на орехи».[1]

В августе 1941 г. практически все театры Ленинграда были переправлены. Уцелели Музкомедия и Симфонический оркестр Радиокомитета. Но спустя время появился Театр народного ополчения, разделившийся позже на «Фронтовой цирк» и «Танцевальный агитвзвод».

Древние мыслили, что «когда говорят пушки, музы молчат». В Ленинграде музы не молчали. Действовал театр Краснознамённого балтийского флота. В октябре 1942 г. возник новейший Городской театр. Впоследствии в Ленинграде подготовили вокальную и хореографическую труппы. Всемирным фурором стало исполнение в Филармонии Седьмой симфонии Шостаковича. В начале блокады в зале было малолюдно, но потом постановки шли при аншлагах. Спектакли начинались в 3 или 4 часа дня, чтобы успеть до осадного положения. Их обрывали авиационные налёты и бомбёжки. Собственного убежища в театре не имелось, зрители и артисты укрывались в ближайшем бомбоубежище. После принуждённого антракта постановка возобновлялась.

В январе 1942 г. прекратили подачу электроэнергии, театры прекратили свою деятельность. Актёры ушли в тыл и на Дорогу жизни. Но уже в марте театры вернулись к своей деятельности. Каждодневно у парадной развешивали написанный от руки анонс, пьесы давали 2 раза в день. Билеты раскупались быстро. Так, к примеру, в дневнике Феликса Ржаксинского приведены примеры культурной жизни: «Довольно хорошо помню, как мы с мамой ходили в Филармонию и в Малый оперный театр. В Малом оперном мы смотрели балет «Конёк-Горбунок».

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду. / Сост. Н. К. Новиков. Л., Лениздат, 1988. С. 85.

Я очень любил вечера, когда мама брала меня в Филармонию. Мы обязательном порядке брали программку, где писалось об исполняемых произведениях. По радио передавали отрывки Седьмой симфонии Шостаковича. Она так перекликалась по содержанию с прослушанной «Ленинградской поэмой» Ольги Бергольц, что, когда мама пришла домой, я не мог удержаться, чтобы не поделиться своими впечатлениями».[1]

Весной 1942 г., вследствие оттепели и улучшения продовольствия, ощутимо уменьшилось число неожиданных смертей в Ленинграде. В апреле – мае 1942 г. случилось последующее повышение нормы жизни народа. За лето 1942 года дети окрепли, даже начали играть в подвижные игры. Так, например, в дневнике Феликса Ржаксинского приведены примеры: «Мы обожали играть в мушкетёров. Схватки происходили в садике Педагогического института имени Герцена. К двери дзота, расположенного вблизи института, вёл узкий глубокий спуск.

Однажды обороняясь от трёх мушкетёров, сбежал по данной земельной лестнице и упёрся спиной в железную дверь. Мои «соперники» и я рванули наутёк, ужаснувшись, что в дзоте взрослые, которые нас будут бранить, а может быть, ещё и отведут в школу.

Время от времени мы играли в войну, забираясь в доты, расположенные в колоннаде Казанского собора. Один дот в левом проезде, если смотреть со стороны Дома книги, а другой – в середине правого портика, который обращён на улицы Плеханова. Мы многократно играли во втором доте. Самое любопытное в этом доте было то, что средней гранитной плитки паркета не имелось. Вглубь Казанского собора вёл подземельный ход. Сбежали вниз, стали ощупывать руками, отыскивая места полок. Фонаря у нас не было. В конце концов, мы пробрались по ходу сообщения далее, но

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду. / Сост. Н. К. Новиков. Л., 1988. С. 87.

там ожидало разочарование: проход был заложен каменной плитой. Секрет подземельного хода остался неразгаданным».[1]

Еще одним увлечением был собирание осколков от снарядов. Как люди набирают марки, открытки, рассортировывая их по теме, величине, расцветке и т. п., так дети собирались осколки и радовались новой находке. Ни один осколок не был схож с другим. Каждый обладал своим «я». Между собой дети нередко спорили, от зенитки он или от дальнобойного.

Одной из особенностей детского досуга стало и то, что дети в большинстве случаев перестали читать детские книги и переходили на взрослые. В дневнике Феликса Ржаксинского приведён пример: «Не помню я и детских книг, кроме «Созвездия Гончих псов» К. Паустовского и «Пятнадцатилетнего капитана» Ж. Верна. Читали много, потому что больше сидели дома. Мы не играли ни в какие подвижные игры – ни в классы, ни в мяч, не прыгали через скакалку. Мы были довольно серьёзными, как маленькие старички».

Город жил. Дети по-прежнему оставались детьми. Досуг их был не самым разнообразным: редкие походы в кино и театр; чтение книг и газет; коллекционирование снарядов. Многим детям ленинградцам запомнились ёлки, это одна из особенностей, дети в точности запоминали только подарки в виде лакомств. Без сомнения, досуг детей менялся. При виде собак и кошек после блокады многие дети не понимали, кто эти существа. При первом салюте дети готовы были бежать в бомбоубежище, т. к. никогда раньше не наблюдали его.

27 января 1944 года в 20 часов город Ленина озарился салютом: полностью была снята блокада. Город ликовал.

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду. / Сост. Н. К. Новиков. Л., 1988. С. 89-90.

1.3. Школа

Многих детей удалось эвакуировать из Ленинграда ещё до начала блокады. Последний, 109-й эшелон вышел из города 20 августа 1941 года, на станции Мга его бомбили. Далее связь с Большой землёй прекратилась. В городе остались десятки тысяч детей и подростков школьного возраста. Несмотря на жестокие блокадные обстоятельства, Ленинградский городской комитет партии и городской Совет депутатов трудящихся приняли решение о необходимости продолжить обучение детей. По решению Ленсовета были открыты 83 школы. 1 октября 1941 года начались занятия. Хорошо известно, какими невероятно трудными были условия работы. Голод, холод, отсутствие электроэнергии, воды. Классами стали помещения бомбоубежищ, которые освещались коптилками. В то же время ленинградские дети были активными защитниками своего города. Они дежурили на крышах, тушили зажигательные бомбы, оказывали первую медицинскую помощь раненым. Многие подростки 14-16-летнего возраста пошли на завод. Они овладевали ручными и станочными операциями, чтобы давать нужную фронту продукцию. Для них были открыты 52 вечерние школы рабочей молодёжи.[1]

В конце октября 1941 года 60 тыс. школьников первых-шестых классов приступили к учебным занятиям в убежищах школ и домохозяйств, а с 3 ноября в 103 школах Ленинграда за парты сели более 30 тыс. учащихся старших классов. Общее количество детей, приступивших к занятиям в блокадном городе, составляло менее четверти довоенного количества ленинградских школьников. Школы снабжали небольшим количеством еды и это помогало детям выжить. Учителя играли большую роль в жизни каждого ребёнка, своими знаниями они помогали детям не думать о еде. Часто в классах запрещали о ней говорить.

[1] Гулина М. А. Гулин Ф. В. Травма военного детства (Блокада, эвакуация, оккупация): историко-психологическое исследование. СПб., 2016. С. 15.

В условия осаждённого Ленинграда целесообразно было скомбинировать учёбу с обороной Ленинграда, научить школьников одолевать проблемы и голод, которые возникали на каждом шагу и возрастали с каждым днём. И ленинградская школа успешно справилась с этой тяжкой миссией. Так, за пример можно взять 162 школу рабочей молодёжи Ленинграда, где учитель математики Евгений Задорожко в своём дневнике описывал школьные будни. Декабрь 1942 года. Школа рабочей молодёжи № 162 на Кировском заводе. Голод, холод. Классы, освещёнными коптилками. Стены, несмотря на печки-буржуйки, были покрыты инеем. Артобстрелы, бомбёжки, смерть родных и близких – все эти беды ещё больше закаляли и сплачивали учеников, вызывали яростную злобу против врага.

Первые педагоги школы № 162, Евгения Ивановна Лебедева, Вера Ивановна Григорьева, Анна Фёдоровна Смирнова, Феодосия Максимовна Воронкина, Михалина Станиславовна Зимовая и сам Евгений Задорожко, стремились морально поддерживать учащихся. Из школы уходили все вместе через разбитые цехи. Чтобы не попасть в воронки от снарядов и бомб, путь освещали факелами из бумаги или электрическими фонариками. Коллектив учащихся и учителей жил дружно. Все верили в силу и стойкость армии, верили в победу. Они оставались ленинградцами.[1]

Люди в блокадном городе пытались продолжать вести свой естественный образ жизни. Школы не стали исключением. Так, одиннадцатилетняя Нина Чубаркина запечатлела свои воспоминания о школе в дневнике. 18 января 1942 года у Нины умерла мама, 20 января – отец. Нина осталась с 13-летней сестрой Верой. В трудные дни она заменила Нине мать. Вера сама еле передвигалась от голода и цинги, но старалась сделать всё, чтобы младшая сестра осталась человеком и продолжала жить. Нина в дневнике пишет ещё об одном человеке – о своей блокадной подруге,

[1] Забвению не подлежит: сборник. СПб., 2015. С. 26.

которой, как и Нине, было 11 лет. Они ходили в 231-ю школу на площади Тургенева в Октябрьском районе.

В школе заниматься приходилось немного: мешали воздушные тревоги, бомбёжки и обстрелы. Школьники разбирали разрушенные дома, ходили в госпиталь на Исаакиевской площади, стирали там бинты, писали письма раненым, помогали, чем могли. Потом была организована тимуровская команда, и школьники, сами едва живые, ходили по квартирам, к одиноким и беспомощным людям, ухаживали за ними. На уроках ученицы шили тапочки из тряпок для детей из детского дома.

В своих дневниках учителя подчёркивали, что во время блокады в школах, в перерывах было необыкновенно тихо, учащиеся не бегали по школе, не было громких бесед и не доносилось детского забавного хохота. Труд учителей в блокадном городе составил первенствующий компонент в поддержке культурных ценностей в невообразимых условиях блокадного быта. Взаимными стараниями, прежде всего жертвенного дела учителей Ленинграда, наиболее беспомощная часть жителей Ленинграда – дети – были отвлечены от увиденных ими ужасов войны, и множество их них спасены от неизбежной смерти. В дневнике четырнадцатилетней Вали приведены примеры моральной помощи учителей. Валя пошла в открывшуюся школу рабочей Молодёжи № 14, в седьмой класс. Классным руководителем была А. И. Поведская. Она встречала своих учеников, чуть ли не на пороге школы, всячески подбадривала, перед уроками стремилась напоить горячим чаем.

Маша Шагалова в своём дневнике писала об участии учителей в её жизни: «Очень хочется рассказать о работе, вернее, о подвиге наших учителей…

Бритоголовый, в чёрном, каком-то форменном кителе, застёгнутый на все пуговицы, строгий учитель математики Василий Матвеевич Осипов

удивлялся, что мы не умеем мыслить пространственно, и упорно добивался умения решать задачи с тангенсами и котангенсами.

Тяжело дыша, опираясь на палку, входил он в класс, начинал урок, который прерывался не школьным колокольчиком, а сигналом воздушной тревоги. Он не мог сопровождать нас в подвальное помещение, в это время оставался в классе. Зимой, исхудавший, с трудом передвигавшей распухшие от голода ноги, он не мог ходить домой и перешёл на «казарменное» положение – поселился в школе. Была у нас в актовом зале, при сцене, маленькая пионерская комната. В блокаду она оказалась самой жилой: была без окон и сохраняла чуть-чуть больше тепла. Учитель поселился там, и мы ходили к нему в эту маленькую комнатушку на уроки математики. Учил он нас до последних своих дней.[1]

Наш физик Кульчицкий, медведеподобный, грузный, косолапо входящий в класс, все сокрушался, что ни Амперов, ни Ньютонов из нас не выйдет. «Вот ведь Ньютон увидел падающее яблоко – и что? Открыл закон всемирного тяготения. А вы? Вы бы съели яблоко, и всё», - говорил он. Мы сидели пристыженные и молчали, хорошо помня закон Ньютона, но забывшие, как выглядит и как пахнет яблоко. Оно, яблоко, было из эпохи Ньютона. Нам бы кусочек хлеба. И физику недоставало хлеба. Он умер от дистрофии…

Самым первым в блокаду ушёл из жизни мой любимый преподаватель – учитель литературы Пётр Александрович Райский. Беспрестанно кашляющий, худощавый, незащищённый, застенчивый человек – таким он был и до блокады. Он никогда не ходил посередине тротуара, а как-то боком-боком шёл, прижимаясь к домам. Он был тих, романтичен и бесконечно влюблён в русскую литературу. До войны больше всего мы «распускались» на его уроках – стоял шум, гам, крик, он с трудом восстанавливал порядок.

[1] Кузинец И. М. Идёт война народная: (к 70-летию полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады). СПб., 2014. С. 43-44.

В блокаду, не жалея себя, не сберегая своих угасающих сил, вдохновляясь, он рассказывал о том, что оставалось за гранью учебника, что не было предусмотрено школьной программой. Он приводил примеры из произведений художественной литературы, где герои дрались мужественно и стойко. Учил нас добру, сочувствию, говорил о Данко, о том, чтобы и наши сердца горели, освещая путь людям. Сколько красоты, высокой духовности открыл он нам! Как он тихо читал Маяковского. На его уроках мы забывали о войне, о хлебе, о морозе, мы были сильны и мужественны.

Три учителя, три характера, общая судьба людей, прекрасно и честно делавших до последнего дня своё дело…».[1]

Учителя справлялись со своей работой, ведь даже в том ужасном состоянии они вселяли своим ученикам, что надо обучаться. Эти стойкие люди не довольствовались учебным планом и дисциплиной. Развитие душевной устойчивости – такой дисциплины в плане не было. Но тогда именно это стало наиболее важным. Итог мужественного труда учителей стали достижения учеников, так успеваемость по всем дисциплинам была выше, чем до войны, и составляла 94,3 %. Андрей Михайлов один из многих вспоминал своих учителей только с положительной стороны. В первую зиму войны Андрей не учился в школе. У него была замечательная учительница – Елизавета Михайловна Таланова, очень чуткий, душевный человек. Как работник комсомольского бытового отряда, она однажды зашла к семье Андрея, поговорила с мамой, убедилась, что семья держится. Андрей писал: «Мне было очень стыдно перед учительницей за те условия, в которых мы жили».

Весной 1942 года школа собрала Андрея и его одноклассников вокруг себя, и больше эта связь не прерывалась. Учиться было нелегко. Особенно

[1] Серебряков В. Г. Школа в двойном блокадном кольце: воспоминания бывших школьников и учителей блокадной школы г. Ораниенбаума / В. Г. Серебряков. Ломоносов., 2015. С. 56.

трудно – делать домашнее задание в промерзшей комнате: кончики пальцев коченели, а чернила к утру часто превращались в лёд. [1]

Как в окаменевшем, застывшем, холодном и голодном Ленинграде могли работать школы?.. Ленинградские дети, не успевшие уехать, учились. Скольким ребятам блокадного города была спасена жизнь благодаря постановлению Ленсовета и горкома партии о начале занятий с 1 октября! Ученики ходили в школу, были в коллективе, вместе. Ребята не оставались дома, один на один с холодом, с крошечной корочкой хлеба, которую оставляли на «обед». Ученики сидели в школе за партами в пальто, платках, валенках, но классы протапливали, а в столовой давали горячий суп.

3 июля 1942 года в честь окончивших средние школы Ленсовет устроил праздник во Дворце пионеров. Присутствовало 530 юношей и девушек, получивших аттестаты зрелости. Были цветы, были танцы. А в городе рвались снаряды. К счастью, в «объект № 192 (под этим номером на фашистских картах значился Дворец пионеров) попаданий в тот день не было.

В то время значительное место в программе обучения заняло физическое воспитание. До войны многие педагоги считали, что физкультура и спорт мешают учёбе. Это заблуждение было преодолено в Ленинграде именно в годы блокады. Ученики начинали с обязательной 15-минутной зарядки на свежем воздухе перед началом занятий. А затем были тренировки, соревнования, спортивные парады и праздники, походы.

Это может показаться парадоксальным, но блокадные школьники оказались и физически, и морально сильнее своих сверстников. В январе 1945 года ленинградцы выиграли всероссийские соревнования по лыжному спорту, причём ученица 134-й школы Люба Козырева установила новый всесоюзный рекорд для девушек.

[1] Скоков А. Г. На всех была одна судьба: к 70-летию освобождения Ленинграда от вражеской блокады / А. Г. Скоков. СПб., 2013. С. 67-69

В следующем году команды блокадных школьников выиграли всероссийские соревнования по лёгкой атлетике и плаванию, завоевав призы ЦК ВЛКСМ и Комитета по делам физкультуры и спорта. С золотой медалью окончил школу чемпион среди школьников в беге на 100 метров Геннадий Денисенко, с серебряной – гимнастика-перворазрядница Наталья Ярмоленко. Много таких юношей и девушек воспитал город Ленинград, переживший тяжёлую и драматическую эпопею.[1]

К мизерному хлебному рациону учащиеся получали в школе суп без вырезки талонов из продуктовой карточки. Так в дневнике Александра Рожкова имеются сведения о школьных буднях, в том числе затрагивается проблема питания. 1 ноября 1941 года: «Ночью тревога. Днём обстрел. Ходил в школу на осмотр и регистрацию. Занятия теперь будут не в нашей, а в 26-й школе. До войны наша школа находилась на Подольской улице, угол Загородного проспекта. Перед революцией в этом здании было церковное училище и сиротский приют. Окна нашего класса выходили во двор на здании латышско-лютеранской церкви. (После войны её снесли.) На этом дворе перед войной мы отрабатывали наши действия во время учебных тревог, и я получил значок «Готов к ПВХО». 26-я школа, где мы начали заниматься, была рядом, на углу Серпуховской улицы. Во дворе этого дома находится квартира автора трилогии о подвиге Эрмитажа – С. П. Варшавского».[2]

3 ноября: «Морозно. Сидим в шубках и шапках. Всё время бомбёжка. Идти домой рискованно».

7 ноября: «Начал давать о себе знать голод. Уроки в школе почти прекратились. Ходили только ради еды – тарелки супа: несколько тонких лапшинок в воде. Их мы моментально проглатывали. Мои товарищи Толя

[1] Память письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 335-360.
[2] Страницы блокадного детства: сборник воспоминаний юных жителей блокадного Ленинграда. Владимир, 2014. С. 83.

Быков и Петя Куроцапов в школу ходить перестали. Я ещё ходил. Но скоро занятия прекратились».

В мае у Саши Рожкова наступили занятия в школе номер 13, на Клинском проспекте, он был вписан в 7-а класс. Из его старых одноклассников – Толя Быков, Петя Куроцапов и ещё двое. Перед занятиями направляли в санпропускник – попросту в баню, находившуюся на Разъезжей улице. Когда раздевались, увидели, какие все очень тощие. Выдавали пропуска-талоны в детскую столовую на двухразовое питание. Столовая помещалась на территории сада «Олимпия», в двухэтажном доме, неподалёку от развалин кинотеатра. Каждодневное меню: две столовые ложки каши, похлёбка и морс. Это днём. Вечером в прибавку к карточке ещё сто граммов хлеба: в 12 часов дня, почти всегда под обстрелом, ученики бежали из школы в эту столовую. Когда снаряды рвались близко, им приходилось, чтобы не опоздать на обед, ползти по зелёной траве. С наступлением тёплых дней Клинский бульвар оживился и превратился в длинный рынок. На траве – книги, картины, альбомы, много старинной керамики, серебряной посуды. Всё обменивалось лишь на хлеб. Саша очень хорошо запомнил все эти вещи. Многократно лежал рядом с ними, припадая к траве и спасаясь от осколков.[1]

Дневник Миши Тихомирова, приведённый в пример в предыдущих главах, также показывает роль школы в жизни ребёнка блокады. 16 декабря 1941 года Миша записывал: «После первого урока, ввиду холода, нас попробовали перевести в 11-ю школу; оказалось, что там ещё хуже к холоду прибавилось отсутствие света. Не знаю, как просидели два урока. Потом мы пошли в столовую. Съели по тарелки супа».

17 декабря следующая запись: «В школе – три урока: заболел физик. Ещё немного о школьных занятиях: в школе я почти совсем не пишу,

[1] Рожков А. Живу и помню: Из воспоминаний о блокаде Ленинграда // Нева. Л., 1988. №1. С. 187.

стараюсь только понять и запомнить. Уроков в большинстве случаев дома не готовлю. «Хватаю» только самое главное».

20 декабря: «В школе, сегодня много работали, я – по уборке снега (2 часа), папа – по разборке дома на дрова для школы. Потом я и ещё некоторые ребята поехали на завод за «буржуйками» для школы и учителей».

24 декабря: «Сегодня узнали в школе о смерти учителя черчения. Это вторая жертва голода. Уже не ходит в школу преподавательница литературы. Папа говорит, что это следующий кандидат. Многие учителя еле-еле ходят. Жить было бы можно, если бы получали вовремя даже наш маленький паёк. Но это очень трудно. Да, нужна сейчас Ленинграду немедленная помощь».[1]

Учителя блокады и их ученики обозначили одну из самых геройских и незабвенных страниц в истории школы России. В ужасные дни блокады они жертвенной работой в школе оказали помощь городу. В дневнике Феликса Ржаксинского приводятся данные о школьных буднях:

«Меня записали во 2-й класс, где классной руководительницей была Густова Анна Ивановна. Учебный год начался 1 сентября.

Наш класс разместили на первом этаже: это было менее опасно при артобстреле. В случае же воздушной тревоги мы могли быстро перейти в бомбоубежище, расположенное в полуподвале здания.

В школе учащихся было ещё мало – одни младшие классы. Старшие находились на сельскохозяйственных работах. Для них учебный год начинался 15 октября. В перерывах между уроками я со своими новыми одноклассниками Олегом Осиповым и Юрой Мамаевым начал детально знакомиться со школой, заглядывая во все двери. Единственное, куда мы не решились заглянуть, это в комнаты с табличками: «Директор», «Заведующая учебной частью», «Учительская».

Из всех помещений больше всего нас заинтересовали два – актовый зал и военный кабинет. В военном кабинете мы увидели макет пересечённой

[1] Дети военной поры, издание второе, дополненное. М., 1988. С. 75-78.

местности, закрытый стеклом. Под стеклом раскинулись поля, овраги, холмы, лес, речка. Всё было так интересно, так красиво, что мы засмотрелись и опоздали на следующий урок. Нам бы, может быть, и попало, но начался артобстрел. Класс повели в бомбоубежище.

В первое время в бомбоубежище мы не занимались. Отсидим тревогу – и снова в класс. В дальнейшем же обстрелы и воздушные тревоги стали сменять друг друга слишком часто. Мы так много времени тратили на спуск в бомбоубежище и обратно, что решили оборудовать отсеки под классы».[1]

Подводя итоги первого школьного полугодия 1941 г., газеты писали, что, в общем, школы после первой блокадной зимы набирают силу. Тем не менее, ещё многое надо было сделать. Директорам школ следовало заняться организацией в школах вспомогательных занятий с целью устранения второгодничества по причинам отставания. Это было обосновано тем, что 6000 учащихся начальных классов из 30000 школьников не были своевременно привлечены к учёбе, больше 4000 человек отсутствовало в школах ежедневно по самым разным основаниям, в первую очередь из-за заболеваний.

Спустя год 2 сентября 1942 года «Ленинградская правда» писала: «…Ещё задолго до начала занятий ожили школьные коридоры. Вчера ученики снова сели за парты. Большинство школ отлично подготовились к началу учебного года». Школам выделили часть дров. Дело в том, что в данный этап проходил месячник по их заготовке. Всякий в течение месяца обязан был припасти четыре кубометра дров. Школы же выделенные им дрова должны были распилить, расколоть и сложить.[2]

Наступившие осенью 1942 г. занятия в ленинградских школах в зимние месяцы уже не обрывались. Зимой 1942/43 г. в Ленинграде работало 84 средних учебных заведений. К концу учебного года в них училось 26854

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду. / Сост. Н. К. Новиков. Л., 1988. С. 88.
[2] Шумилов Н. Д. В дни блокады. М., 1974. С. 98-100.

школьников. Большая часть учащихся приходилась на I-VII классы. VIII-X классов было всего 54 во всём городе, в них обучалось 733 человека. По подсчётам Л. Е. Раскина, зимой 1942/43 г. в Ленинграде сохранилась одна шестнадцатая часть довоенного школьного населения. «Иногда свистят над школой снаряды, слышатся глухие взрывы. К свисту снарядов мы приспособились, а в случае если взрывы снарядов не близки, продолжаем урок: нам некогда», – писала, припоминая зиму 1942/43 г., учительница С. Н. Саговская. В случае если во время бомбёжки повреждались школы, то вред практически сразу устранялся. Как ни тяжело было в Ленинграде со стеклом, для школ оно в этих случаях выделялось.

К началу учебного года в школах было довольно много ребят, ещё не оклемавшихся от неблагоприятного состояния, в которое погрузила их первая блокадная зима. Учителя и друзья постепенно возвращали таких школьников к их обыкновенному положению. Большое значение имело введение для них рационного питания. Вследствие этого улучшилось самочувствие многих школьников, ослабившихся в первую военную зиму.[1]

В зимние месяцы 1942/43 г. возобновилась работа комсомольских и в особенности пионерских организаций. С началом нового учебного года в школах были основаны пионерские дружины и подразделения, осуществлялись сборы; энергичность пионерских групп стала обязательной частью школьной жизни. Всеобщие трудности объединяли учителей и учащихся. С нежностью откликалась в дневнике о своих учениках в ноябре 1942 г. учительница А. Н. Миронова: «Какие превосходные у меня дети в классе. 11 человек не имеют родителей, у 5 человек погибли и у 6 человек мамы на оборонительных работах».

Непросто было вести занятия в блокадную пору, трудно было, и подготавливаться к урокам. С. Н. Саговская писала: «Вспоминаются и зимние вечера дома. Холодно и здесь. На ногах валенки, на плечи накинуто

[1] Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга / А. М. Адамович, Д. А. Гранин СПб., 2017. С. 108.

пальто, иногда одеяло. На столе коптилка: маленький язычок пламени слабо освещает комнату. Передо мной ученические тетради. Напрягаешь зрение, разбирая почерки учащихся; здесь же рядом – книги и всегда кипа газет. Роешься в них, делаешь пометки, вырезки, выбираешь материал, который можешь использовать на уроке. Составляешь диктовки на новом материале, примеры для разборы, тексты для пересказа. Работа интересная. Увлечёшься и забудешь всё тяжёлое, что приходится переживать. А если урвёшь время на чтение книги, то и хорошо». Ленинградские учителя имели шанс получать непрерывную методическую помощь в Институте модернизации учителей, где устраивались занятия, консультирование, курсы совершенствования, велись энергичные отборы новых, наиболее продуктивных в условиях блокады форм работы.[1]

В 1943/44 учебном году было введено раздельное обучение мальчиков и девочек. С 1 сентября начали учиться только младшие классы. Старшие до 1 октября были на сельскохозяйственных работах. С первых дней обучения в школах стали практиковаться «продлённый день». В школе была организована комната для приготовления уроков и отдыха.

Таким образом, самоотверженность стала нормой поведения не только взрослых, но и детей. Хотя в декабре 1941 г. было разрешено временно оставить учебные занятия, учителя и ученики 39 ленинградских школ приняли решение продолжать учёбу. Учителя и школьники сами добывали горючее, возили на санях воду, смотрели за чистотой в школе. Конспекты не вели, так как в не отапливаемых классах мёрзли не только худенькие детские руки, но и застывали чернила. Рассказывая об этом незабываемом времени, учащиеся 7-го класса 148-й школы писали в своём коллективном дневнике: «Температура 2-3 градуса ниже нулевой отметки. Учащиеся жмутся к открытой дверке печурки, съёживаются от мороза, который резкой холодной

[1] Непокарённый Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич. 2-е изд. Л., 1979. С. 270-273.

струёй рвётся из-под щелей дверей, пробегает по всему телу. Глаза слезятся, читать тяжело, а писать совершенно невозможно». Школьников, продолжавших учится в суровую зиму 1941-42 г., с признанием именовали «зимовщиками».[1]

1.4. Детский труд

Город Ленинград жил, боролся за победу, совместно с взрослыми на защиту встали дети и подростки Ленинграда. Они вставали к станкам на фабриках, дежурили и гасили зажигательные бомбы, выращивали овощи на полях, ухаживали за ранеными и прикованными к кровати, вели войну в партизанских подразделениях.

Существование в осажденном городе было немыслимо без упорного, повседневного труда. Уже во время блокады на страницах газет "Ленинградская правда", "Смена", журнала "Пропаганда и агитация" и других изданий освещалось участие детей в защите родного города, их учеба и работа на предприятиях по выполнению фронтовых заказов. Конкретный фактический и обобщенный статистический материал по теме содержится также в ряде сборников документов и статей, в периодических изданиях.

Так, например, Павел Хорошилов, подполковник в отставке в своём дневнике писал: «Вон стоит у станка Федя Свечной. До шпинделя было не дотянуться: ростом маленький, притащили, ему под ноги шпалу…работает».

Ученики – дети и подростки, родители которых ушли на фронт, – работали у станков без выходных, по 10-12 часов, а затем приходили в школу. Отогревались, получали дополнительные талоны на питание.[2]

В покинутые, запустелые заводы пришли тысячи детей и подростков. Так, Вера Яковлева – на момент начала войны четырнадцатилетняя девушка

[1] Непокарённый Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич. 2-е изд. Л., 1979. С. 183-184.
[2] Маграчёв Л. Е. Репортаж из блокады. Л., 1989. С. 142.

– в разгар блокады заболела дистрофией, и её отправили из детского приёмника в больницу. А потом в июне она была уже в ремесленном училище № 48. Там было много ребят, оставшихся без родителей.

Это был второй дом. Жили в общежитии. Вера была слесарем. Работали на заводе имени Макса Гельца на Петроградской стороне. Трудились на заводе в основном женщины и подростки. Мужчины были только мастерами. Тогда завод выпускал пулемёты. Работали по 11-12 часов, а в ноябре и декабре сорок второго года вообще не уходили с завода. Тяжело тогда было под Сталинградом, и надо было помогать армии.[1]

В 12-15 лет дети становились токарями и сборщиками, производили винтовки и миномёты, орудийные и боевые снаряды. Для того чтобы дети могли трудиться за станками и установочными верстаками, производили деревянные подставки. Согласно распоряжению Ленгорсовета и бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 29 апреля 1943 г. 8685 учеников с 4 по 10 классы на период летних каникул были отправлены на чистку, полив овощей и уборку жатвы в совхозах и служебных хозяйствах блокадного города и области. В целях доброкачественного режима работы и отдыха в совхозах и служебных хозяйствах были основаны отряды по типу пионерских. Отряд содержал несколько частей-дивизий, которые пополнялись отдельно из детей. Поручительство за труд отрядов несли руководители школ или поставленные ими люди. Рабочий день и меры разработки для учеников 9-10 классов были приняты наряду с работниками совхозов и служебных хозяйств. Для учеников 4-8 классов был внедрён менее сосредоточенный распорядок трудового дня. Начиная трудовой день в 8 часов 40 минут, ученики 4-6 классов заканчивали дело в 11 часов, 7-8 классы – в 13 часов. Следом был послеобеденный отдых. После чая, в 17 часов, учащиеся снова начинали трудиться до 20 часов. После ужина осуществлялась воинско-гимнастическая подготовка, кружки, отрядные и звеньевые

[1] Архангельский И. В. Детство во время войны // Ровесники: Немцы и русские. СПб., 2015. С. 124-126.

культмероприятия. В 22 часа отбой. Вознаграждение работы происходило сдельно по существовавшим в хозяйстве расценкам за объём выработки, принятой для детей. Для учеников 4-го класса было на 50% меньше, чем для работников хозяйства, 5-6-е классы – на 40%, 7-8-е классы – на 20%. Вместе с тем для учителей и учащихся, трудившихся в совхозах и служебных хозяйствах, использовались все мероприятия награждения, принятые для трудящихся совхозов. Стоимость кормления учащихся уплачивали из своей зарплаты. Сотни молодых блокадников через всю вынужденную эпопею самоотверженной обороны Ленинграда прошли как доблестные сподвижники старших. Не было такой работы, в которой они не принимали участия чистка крыш, противостояние с зажигательными бомбами, пожаротушение, разбор нагромождений, уборка города от снега, надзор за увечными, выращивание овощей. Так, например, Андрей Михайлов летом 1943 года, будучи школьником, хорошо потрудился в подсобном хозяйстве Металлического завода в посёлке Малое Манушкино. Занимались ребята прополкой, собирали лебеду, убирали красную смородину.[1]

Велась кропотливая работа по изготовлению бомб и боеприпасов. Примером может послужить Сергей Гусев. 6 февраля 1942 года похоронил мать, погибшую от голода. В этот же день его сосед по квартире Николай Балкин похоронил своего отца. Квартира опустела. До войны в ней жили три семьи – одиннадцать человек. Они остались вдвоём – Сергей и его одногодок Коля Балкин. Николай работал на ГОМЗе, Сергей – на заводе имени Энгельса. Они вместе с другими мальчишками, у которых оставалось ещё силёнок, делали миномёты и снаряды для фронта.

Оборудование окопов, к примеру, Александр Рожков, как и многие дети Ленинграда, трудился на благо городу. В первых числах сентября 1941 года жильцы его дома были мобилизованы на строительство оборонительных укреплений. Саша ездил на трамвае в село Рыбацкое копать окопы. Обычно

[1] Память письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 330-358.

шёл дождь, и работать приходилось в страшной грязи. Там он проработал неделю.[1]

Повсюду трудились детские руки. Так, в дневнике Вера зафиксировала рабочие будни: «Помню, как прямо в заводской столовой Арсентий Сергеевич организовал митинг. «Ребятки, – говорил он, – нам тяжело, но очень трудно и Сталинграду. Надо ещё лучше работать и делать больше пулемётов!» Мы работали, сколько хватало сил. Мы знали, что своим трудом приближаем и освобождение Ленинграда от блокады.[2]

Когда становилось совсем невмоготу, Арсентий Сергеевич нам говорил: «Ребятки, отдохните часок». Мы ложились тут же под верстаки. Немало наших сверстников погибло при артобстрелах, во время бомбёжек и от болезней, вызванных истощением». На заводе Вера Яковлева проработала до полного снятия блокады, а затем её направили в только что организованный индустриальный техникум трудовых резервов, который она закончила в 1948 году.

В блокадном городе находился цех артели «Фанеродревтруд», у Комаровского моста. В этом цехе в 1942 и 1943 годах трудились 13-15-летние подростки – Лена Марченко, Рая Матвеева, Тася Павлова, сёстры Ольга и Лида Добровольские, Зина Голицына, Рая Зубова, Виктор Лютиков и многие другие подростки.

Они занимались изготовлением костылей для раненых. Сами строгали планки, сверлили отверстия, нарезали шипы, собирали «подмышники», олифили дерево. А когда костыли были готовы, их грузили на машину и отправляли на госпитальный склад. Он находился на углу Литейного проспекта и улицы Чайковского.

Зина Рязанцева также работала на этом цехе. Зимой ей довелось поработать на восстановлении железной дороги в районе Московской-

[1] Рожков А. Живу и помню: Из воспоминаний о блокаде Ленинграда // Нева. Л., 1988. №1. С. 186.
[2] Блокада Ленинграда. Дни и годы / В. М. Ковальчук, А. Н. Чистиков. СПб., 2013. С. 137.

Навалочной. Зине было 15 лет, она страдала дистрофией. С ломом было не справиться. Зина с другой девушкой киркой скалывали лёд с железнодорожного полотна, отыскивая повреждённые рельсы. Затем все впрягались, как бурлаки, и тянули новый рельс к месту повреждения. Затем находившийся среди девушек единственный мужчина железнодорожными болтами скреплял рельсы.[1]

С весны 1943 года все ребята цеха выехали работать в колхоз «Халтуринец», на правый берег Невы. Осенью же цех расформировали, и юные работники были направлены на разные фабрики и заводы. Как и все, после основной работы восстанавливали город, разбирали разрушенные дома, мостили дороги.

Решением Исполкома Ленсовета от 25 марта 1942 г. на очистку города мобилизовалось всё трудоспособное население – мужское от 15 до 60 лет, женское – от 15 до 55 лет. Работы продолжались до 15 апреля. Ежедневно на очистку города выходило 300 тысяч человек. Многие после суровой и страшной зимы были истощены до неузнаваемости. Но все знали: победа придёт, и никогда фашистским варварам не ходить по чудесным улицам и проспектам Ленинграда. Совместно с взрослыми настолько же мужественно трудились подростки и дети, почти все из которых стали учащимися ремесленных училищ.[2]

Таким образом, более 5 тыс. ленинградских детей и подростков за смелость и самоотверженность, продемонстрированные в дни блокады были удостоены медалями за оборону Ленинграда. Многие подростки дежурили у подъездов домов, несли службу ПВО, стояли на крышах, заменили взрослых у станков на заводах – словом, трудились и воевали.

---

[1] Бобкова Л. М. Кошмарные дни блокады // Породнились Нева с Волгою: Ярославское эхо блокады. СПб., 2013. С. 145-148.

[2] Непокарённый Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. С. 173-174.

1.5. Питание

Началом блокады считается 8 сентября 1941 года, когда была прервана сухопутная связь Ленинграда со всей страной. Однако жители города утратили возможность покинуть Ленинград намного раньше: железнодорожное сообщение было прервано 29 августа, и на вокзалах и в пригородах скопились десятки тысяч людей, ожидавших шанса прорыва на восток. По сведениям Управления НКВД, в Ленинграде пребывало больше 2500000 человек.

Продовольственные карточки были введены в Ленинград 17 июля 1941 года, то есть ещё до блокады, впрочем, это было сделано только для того, чтобы навести порядок в снабжении. Нормы отпуска продуктов по карточкам были высочайшие, и ни малейшего недостатка до начала блокады не было. Сообразуясь с обстановкой, Военный совет принимает меры по сокращению расхода продуктов питания. 2 сентября 1941 года проводится первое сокращение продажи хлеба гражданскому населению с начала введения карточек. С этого дня дети получали – по 300 граммов хлеба в день. Расход муки после сокращения хлебного пайка всё ещё оставался высоким – более 2 тысяч тонн в сутки. 12 сентября второй раз уменьшается хлебная норма. На служащую и детскую – по 300 граммов хлеба. [1]

О нормах довольствия, расходе продовольствия принимались исключительно Военным советом фронта, и только этот орган имел право распределять продукты питания. Суточный рацион питания составлял: у детей (до 12 лет) – хлеба 125 граммов, жиров 16,6, мяса 13,2 сахара и кондитерских изделий 40, крупы 40 граммов – всего 234,8 грамма, или 684 калории.

[1] Воробьев А. Блокадные воспоминания // Живая память: 70 лет Победы в Великой Отечественной войне / А. Б. Николаев. СПб., 2015. С. 4-8.

Гибельное продовольственное положение города стало очевидным уже 12 сентября 1941 г., когда были завершены проверка и учёт всех пищевых припасов. Сокращение норм выдачи продуктов впервые произошло 15 сентября. При сохранении «чёрного рынка», официальная продажа продуктов в так называемых коммерческих магазинах по рыночной стоимости прекратилась. Были замечены первые случаи потери сознания от голода на улицах и на работе, а также первые случаи гибели от недостатка еды.[1]

Припасы продовольствия пополнять было очень непросто – по воздуху осуществить обеспечение такого большого города было нельзя, а судоходство по Ладожскому озеру временно прекратилось из-за наступления морозов. Все эти транспортные коммуникации пребывали под нескончаемым огнём врага.

С 20 ноября властями Ленинграда был введён норматив по отпуску продуктов питания. Размер продовольственного рациона содержал: служащим, иждивенцам и детям до 12 лет – по 125 граммов. При этом до 50 % хлеба содержали примеси, и он был почти несъедобным. Все остальные продукты почти перестали выдаваться. 25 декабря 1941 г. было произведено повышение норм выдачи хлеба рабочим на 100 граммов и всем остальным – на 25 граммов. 24 января 1942 г. нормы выдачи хлеба вновь были увеличены (250 граммов – детям), однако, по данным УНКВД, продовольственные карточки отоваривались не полностью.

С едой в блокадном Ленинграде, как известно, дело обстояло катастрофически. Нормы хлеба в блокадном Ленинграде были четко определены для различных кругов населения. Как возможно было вынести все тяготы в холодном, осажденном городе, получая на руки лишь 125 граммов хлеба в день? Ответ на данный вопрос скрывается в большой силе

[1] Воронов Ю. Боль, над которой не властно время. Воспоминания о блокаде в письмах, очерках и дневниках ленинградцев // Письма из блокады. СПб., 2015. С. 13-17.

духа людей того времени и непоколебимой вере в победу. Так, девятилетний Лазарь Ратнер в своём дневнике посвящал проблеме питание особое внимание: «Тётя Рая угостила нас оладьями из обойного клея, было довольно вкусно, хотя на зубах что-то хрустело, а на бумажном пакете было написано: «Мука с добавками против клопов и прочих паразитов». Все весело смеялись и с удовольствием ели.[1]

На Петроградской стороне, на Ропшинской улице жил со своей женой младший брат моей мамы, дядя Давид. У них была крошечная комната в большой коммунальной квартире. Детей у них не было. В армию дядю Додю не брали, так как он работал на военном заводе и имел «бронь». Как-то днём в середине октября он пришёл к нам и принёс что-то завернутое в газеты. Мама приготовила мясной суп, мы с Гришей с удовольствием его ели, а мама и дядя Давид стояли у стола и с какой-то странной грустью смотрели на нас. Потом, в декабре, когда голод уже стал непрерывным, мама сказала мне, что это была кошка, но что сейчас и она бы ела.

А голод всё усиливался, мама пыталась в добавление к голодному нашему пайку прибавить ещё что-нибудь съедобное. В папином ящике она отыскала две плитки столярного клея и сварила из него студень. Хорошо помню эти голубоватые комки. Гриша и мама есть его не стали. Я съел две ложки. Ужасающая гадость, лёг в кровать, накрылся одеялом, лежу. Голод мучает, встал, съел ещё ложку, нет, есть невозможно. Больше никто не ел. Однажды мама сварила кашу из горчицы, которую сначала долго вымачивали в воде. Это было ещё съедобно. А один раз в кухонном столике Чирейкиных мама нашла коробку с тмином и решила сделать из него лепёшки. Трудно себе представить что-либо ещё более отвратительное. С тех пор ничего с тмином я даже видеть не могу.[2]

---

[1] Город-Фронт: к 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады / Б. П. Белозеров. СПб., 2014. С. 29.

[2] Грановская Р. М. Социально-психологические причины стойкости жителей блокадного Ленинграда (1941-1944 гг.) // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. С. 83-84.

Один раз мама принесла кусок конины. На улице Халтурина упала истощённая лошадь, и её, ещё полуживую, набежавшие со всех сторон люди стали разрезать, рубить с топором, растаскивать на части. Небольшой кусок достался и маме. Она сварила суп. Я съел свою порцию и смотрел, как мама кормит Гришеньку. При свете коптилки я увидел торчащий из его тарелки кусочек мяса, и вдруг моя рука потянулась к нему. Гришенька заплакал, я отдёрнул руку, опомнился, мне стало стыдно, я любил братика. Голод подавлял многие человеческие чувства. С тех пор прошло ровно шестьдесят лет, но этот эпизод и плач братика я вспоминаю с годами всё чаще, и стыд и жалость душат меня всё сильнее.

В начале марта 1942 года выписали маму с Гришенькой, 8 марта, когда мне исполнилось десять лет, их в больнице уже не было. В тот день в палату ко мне вошла грустная тётя Рая и молча, протянула десять кусочков хлеба. Отрывая их от себя, она собирала мне подарок. С тех пор у меня было ещё 60 дней рождения, но никогда ни от кого я больше не получал такого дорогого подарка.

Как я сейчас ни стараюсь, не могу вспомнить, что мы тогда ели. Помню, ходил я на Неву с чайником, помню, как нашёл в буфете Горбачёвых смятый пакет и вытряс из него немного желудевого кофе, заварил его в кипятке и давал маме и Грише».

Война и блокада города выдвинули перед органами народного образования Ленинграда в качестве одной из основных задач в период осени и зимы 1942 г. заботу о детях, потерявших родителей или временно лишившихся родительского надзора. С первых же дней войны часть детей, оставшись без родителей, требовала заботы государственных детских учреждений. Приближение к границам города фронта повлекло за собой приток в город населения из прифронтовой полосы, среди которого много оказалось детей, лишившихся крова, имущества и потерявших своих родителей. Тяжесть блокады уже с начала зимы 1941/42 г. сказались на

состоянии здоровья населения. В городе резко увеличилась смертность взрослого населения, которое труднее переносило лишения, связанные с блокадой, чем дети, поэтому много детей оставалось безнадзорными; состояние их здоровья было плохое. При этих условиях решительные меры, направленные на спасение жизни детей, сохранение их здоровья, мероприятия по выявлению детской беспризорности были основными задачами в работе органов народного образования города.[1] Так, Лазарь Ратнер оказался в детском доме. Он описывал своё питание в данном учреждении таким образом: «Вообще, кормили здесь скудно, но регулярно, и вскоре я уже ходил со всеми детьми на прогулку.

Однажды в июле 1942 года нас строем повели на улицу Восстания, здесь на углу Озерного переулка в маленьком садике небольшой двухэтажный особняк был превращён в так называемый эвакосборник (термин, рождённый тем временем и теперь уже забытый). Несколько однообразных недель, прожитых здесь, оставили в памяти два эпизода.

Кормили здесь хуже, да ещё старуха-воспитательница приноровилась отделять часть наших порций себе. Однажды за обедом она поставила поднос с тарелками на свой стол и с быстротой фокусника стала ложкой сбрасывать что-то с каждой тарелки в свою сумку. Ребята, которым было уже по десять-одиннадцать лет, прекрасно знали, что она делает, и подняли крик. Вошла заведующая эвакосборника и сразу всё поняла. На следующий день этой старухи поблизости не было».

Лазаря, как и многих детей Ленинграда, удалось эвакуировать, питание в условиях эвакуации он также, будучи взрослым, описал: «Накануне вечером, когда поезд тронулся, каждому из нас выдали по плитке шоколада «Ванильный».

[1] Гулина М. А., Гулин Ф. В. Травма военного детства (Блокада, эвакуация, оккупация): историко-психологическое исследование. СПб., 2016. С. 198-200.

Мне дали большой кусок хлеба, два варёных яйца и перловой каши. Я всё съел, но сытости не почувствовал, вижу, наши ребята тащат откуда-то корзину с ломтями хлеба и кашей, я опять ел и опять сытости не почувствовал. Впоследствии я узнал, что за долгие месяцы голодания у человека атрофируется сигнальная система сытости. Для некоторых переедание закончилось совсем плохо.

На следующее после приезда утро пошёл я изучать окрестности и сразу наткнулся на заросли зелёного гороха. Стручки висели густо, горох был мелкий, но сочный и сладковатый. Я раскрывал стручки и ел, ел, пока не разболелась голова, и стало сильно тошнить. Ребята объяснили мне, что я наелся зелёных семян акации».[1]

Весьма признанное кушанье – мучной клей, на котором были поклеены обои. Его отскабливали от стен и бумаги, потом варили ради того чтобы извлечь как минимум каплю калорийной похлёбки. Похожим способом варили строевой клейстер, добавляя приправу. Так, например семья Тамары Куликовой использовала этот способ подкрепления. Она прожила 1942 год только за счёт расчётливости матери, которая строго делила весь хлеб на девять порций и три раза в день выдавала немного студня из клея и кусочек хлеба. Она не разрешала делиться хлебом с сыном, говоря: «Не станет тебя – он умрёт».

Однажды, сын принёс Тамаре маленький пакетик и сказал: «Это я тебе скопил – поешь!» Когда Тамара его развернула, то увидела маленький кусочек колбасы, кусочек сахара и кусочек шоколада, а самое главное – несколько ягодок брусники, которые сын собрал около лагеря.

Многих спасала расчётливость и раздробленное питание, т. е. полученную порцию делили на равные части, в большинстве случаев на три. Так, Андрей Михайлов свои спасением с братом во много обязаны маме,

[1] Ратнер Р. Вы живы в памяти моей [Воспоминания блокадного мальчика] // Сб.: Нева. СПб., 2002, №9. С. 141-151.

которая распределяла всё, что получали по карточкам, на равные доли и создавала нечто вроде трёхразового питания, хотя основу составляли горячая вода или «болтушка». Мама Андрея никогда не позволяла брать хлеб вперёд или съедать его в один присест. За хлебом всегда ходили по двое: мама и брат или Андрей и брат.[1]

Большинство дневников блокадников переполнены жалобами на то, что не удавалось до окончания декады купить продукты в пустых магазинах, в то время как в прилегающих было дозволено, обыкновенно без очереди, приобрести то, что полагалось по карточкам. Нужно было стоять у магазинов, к которым были закреплены, и ожидать, когда доставят продукты, которых, разумеется, не могло хватить на каждого гражданина. Никто не уходил от пустых прилавков даже когда директора магазинами или торговцы оповещали, что продуктов в ближайшее время не завезут. Наверняка, думали, что когда столько человек ожидает у магазинов, то это происходило не случайно, что им ведомо что-то значительнее, что внушение продавцов представляется всего-навсего хитростью, – и потому вставали к очереди. Но полученные продукты все, же дожидались, и скоромный паёк доставляли в свои дома. Так, в дневнике Миши Тихомирова, пятнадцатилетнего подростка, довольно подробно описан каждодневный приём пищи: «8 декабря: Кушаем 2 раза в день: утром и вечером. До последнего времени пекли лепёшки и варили периодически каши из дуранды (ныне она заканчивается).[2]

10 декабря: Сегодня сварили суп на два дня из 10 картошек (две кастрюли), стакан бобов, немного вермишели и по кусок мясных консервов. При случае запасём ещё.

12 декабря: Мама получила за первую декаду месяца 800 граммов чёрных макарон. Выходит по неполной чайной чашке на кастрюлю супа.

[1] Память письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 340, 357.

[2] Дудин М. Я опыт совести и духа в грядущее передаю // Письма из блокады. СПб., 2015. С. 93-97.

17 декабря: Кроме жиденького супа дали крохотные дозы варенья. Дома отогрелись кофе. Мама дала по кусочку из остатков сала. Буду, есть и читать в кровати.

26 декабря: Устроили питьё кофе с вареньем. Вечером мама угостила нас овсяным киселём из кострики с малым количеством муки и глицерина. Ели с солью – удивительно вкусно.

28 декабря: На толкучке обменяли 3 куска сахару и коробок спичек на 500 г растительного масла. Ведь в жировом отношении последний месяц у нас очень голодный (по карточкам масло ещё не было возможности купить!).

Сегодня в меновом отношении очень счастливый день: за ½ литра бензина мама достала 20 конфет из кофе и жжёного сахара со сгоревших Бадаевских складов. Папа же принёс приблизительно 2 кг муки из остатков патоки (это взамен на ликёр). Не знаем, насколько она безвредна.

2 января: Капуста заканчивается. Масло тоже ещё не получено.

6 января: Вчера вместо крупы взяли 2 кг «ржаной» муки. Перебирали сухари и растолкли маленькие обломки в ступке.[1]

Больные и дети обеспечивались питанием в больницах и детских домах, кроме того, за ними сохранялись карточки, по которым им также отпускались продукты. Тяжело было ребятам, перешагнувшим порог одиннадцати лет. На двенадцатом году жизни детская карточка заменялась иждивенческой.

Ребёнок становился взрослее, принимал активное участие в обезвреживании зажигательных бомб, брал на собственные неокрепшие плечи часть тяжёлых работ и забот по дому, помогая родителям, а паёк его уменьшался. Лишая себя куска хлеба, родители поддерживали слабые силёнки детей, но наносили тяжёлые раны своему организму. В

[1] Дети военной поры, издание второе, дополненное, М., 1988, С. 73-82.

неотапливаемых квартирах прочно поселился холод, безжалостно замораживания истощённых людей.[1]

В условиях практически абсолютного недостатка продовольствия в Ленинграде общепартийные и советские организации делали всё допустимое, с намерением упростить жизнь учащихся. К маленькому хлебному рациону дети получали в школе суп без вырезки талонов из продовольственной карточки. С началом действия Ладожской ледовой трассы десятки тысяч школьников были эвакуированы из города.[2]

В общественном рационе применялся джем, приготовленный из растительного молока, соков, глицерина и желатина. В ноябре 1941 г. подобного товара было представлено 380 т. Остатки из помолки ячменя применялись для производства овсяного желе, ягодное пюре производили из клюквенных остатков. Примером такого рациона питания могут служить записи Феликса Ржаксинкого: «Теперь и мне не хватало еды, хотя в сентябре и октябре 1941 г. установленные нормы более или менее обеспечивались. Как мы проводили время в детском саду, во что играли, чем занимались, совершенно не помню. Нас называли тогда маленькими старичками. Мы были очень серьёзными, рассудительными. Ни улыбок, ни веселья… Мы с нетерпением ждали только того момента, когда нам дадут поесть и можно будет долго жевать соевые лепёшки, запивая их соевым молоком. Иногда нас баловали ягодным пюре. Это было верхом блаженства. Его изготавливали из остатков чудом сохранившегося клюквенного отжима. А иногда давали дуранду или, что ещё хуже, шроты. Не один раз я тогда вспоминал толокно, которое теперь бы ел как пирожное. Дуранду и шроты выпускали в виде небольших плиток. Как я ни был голоден, но всю плитку никак съесть не мог. Откусывал маленький кусочек, жевал, с трудом проглатывал, а снова кусать

[1] Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. Л., 2006. С. 89-90, 164.
[2] Непокарённый Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич. 2-е издание. Л., 1979. С. 184.

больше не отваживался. Оставшийся кусок плитки я нёс домой, потому что в это время, кроме хлеба по карточкам служащих, почти ничего не давали.

Хорошо помню, как пили хвойный экстракт. Ленинградское отделение аптекоуправления ещё в ноябре организовало сбор хвои, и в продажу поступили пакетики хвойного экстракта с инструкцией, как приготовить настой, какова его суточная доза».[1]

Когда в блокадном Ленинграде солнце пригревало всё сильнее начала прорастать зелень. Крапива, лебеда, щавель, клевер, кислица, мокричник, подорожник и многое другое – всё было разрешено в пищу сотрудниками Ботанического сада для употребления. Правда, супы выходили пресными. Из молоденьких листьев подорожника выходил пригодный бульон, а котлеты по своему вкусу напоминали капустные.

Весной 1942 года Ленинградский горком ВКП(б) и исполком Ленгорсовета ввели перед жителями Ленинграда цель – создать условия для обеспечения себя своими овощами. Были обнаружены опустевшие земли, взяты на оценку парки, скверы, сады для употребления их под огороды. В итоге проделанной управленческой работы в мае к пашне и засеву овощей взялись 633 дисциплинированных служебных хозяйства предприятий и организаций и более 275 тысяч частных садоводов. Весной 1942 года было перепахано частными садоводами 1784 га, служебными хозяйствами – 5833, совхозами муниципальных трест – 2200, включая вскопанные лопатами 3253 га, или 33 % посевов. Оплодотворили овощами 6854 га, картофелем – 1859, злаковыми – 1115 га. Так, к примеру, в дневнике Феликса Ржаксинского имеются сведения об индивидуальных огородах: «У меня до сих пор имеется листовка о том, как делать чай и кофе из культурных и дикорастущих растений Ленобласти, выпущенная Лениздатом в 1942 году. Кофе

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду. / Сост. Н. К. Новиков. Л., 1988. С. 82-83.

предлагалось готовить изо ржи, пшеницы, ячменя, одуванчика, желудей, цикория. В поисках зелени нередко отправлялись в Александровский сад.[1]

Голод – самое ужасное испытание. Январь и начало февраля 1942 г. стали наиболее критичными месяцами блокады. Примеси в выдаваемом хлебе составили уже 60 %, а выработка электричества снизилась до 4 % от довоенного уровня. Питьевая вода стала большим дефицитом, а её транспортирование в квартиры и учреждения – настоящим подвигом.[2]

По сведениям УНКВД, каждый день погибали около 3,5-4 тыс. человек. Были дни, когда погибало 6-7 тыс. человек. В 1944 году наступили времена, когда вопрос о еде постепенно стал терять превалирующее значение над остальными жизненными проблемами. Голод начал отступать. Хотя норма выдаваемых продуктов не изменилась, стабильность, и гарантированность их получения сделали своё дело. Кроме этого, большим подспорьем были личные огороды и «дары природы».

Голод стал ключевым фактором, определявшим судьбу населения Ленинграда. Блокада, установленная германской армией, была осмысленно нацелена на вымирание городского населения. Документы противника свидетельствуют, что голод был задуман нацистами именно как военная операция, однако это не противоречило в то время нормам международного гуманитарного права.

1.6. Меры по защите детей

С первых же дней войны стало очевидным, что фашистская Германия стремится уничтожить советский народ, и осознание этого определяло политику государства по спасению населения и прежде всего детей, особенно Ленинграда. Спасение их являлось первоочередной задачей советских и

[1]Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду. / Сост. Н. К. Новиков. Л., 1988. С. 84-85.
[2] Забвению не подлежит: сборник. СПб., 2015. С. 156.

партийных органов города. В конце июня 1941 г. была основана и приступила к работе городская комиссия по эвакуации. 29 июня исполком Ленгорсовета принимает решение «О вывозе детей из Ленинграда в Ленинградскую и Ярославскую области». Предстояло вывести около 400 тыс. детей. Председатель исполкома Леноблсовета Соловьёв Н.В. 28 июня 1941 г. в своей телеграмме председателям райсоветов указал: « Немедленно приступите к организации размещения детей. Подготовьте помещения всех школ, клубов, изб-читален, красных уголков и других общественных организаций. Используйте все свободные частные дома, так же за счёт уплотнения колхозников, служащих… примите все меры к организации питания…».[1]

Эвакуация в первый блокадный год проводилась с использованием всех возможных средств: железной дорогой, водным транспортом, Ледовой дороги через Ладожское озеро, авиацией, походным (пешим порядком, как правило, не организовано). В период с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. было эвакуировано всего – 1295100 человек. Половину эвакуированного населения составляли дети. На маршрутах следования работали специальные детские приёмники, которые подбирали беспризорных детей и впоследствии отправляли их в места назначения. Несмотря на значительный вывоз населения, в Ленинграде продолжали оставаться почти 1 млн. человек, в том числе более 150 тыс. детей в возрасте до 15 лет. Начатая 11 июля 1941 г. эвакуация ленинградских детей из Залучского, Молвотицкого, Демяеского, Лычковского, Валдайского и Крестецкого районов в количестве свыше 40000 человек была закончена 26 июля 1941 г. Все вывезенные дети из Залучского, Лычковского и Демянского районов были направлены в Кировскую и Ярославскую области, из Молвотицкого района значительная часть детей была взята родителям в Ленинград, остальная часть детей направлена также в Кировскую область. Дети, вывезенные из Валдайского района

[1] Кан Е. Л. Мы – из блокады / Е. Л. Кан. СПб., 2010. С. 78-80.

(Василеостровский район) и Крестецкого района (Приморский), направлены в Ленинград. [1]

Эвакуация детей прошла в основном удовлетворительно, хотя следует отметить, как большой недостаток неорганизованный приезд родителей за своими детьми, срывавший нормальную работу ж. д. транспорта и нормальную работу по вывозу детей.

Эвакуация детей затруднялась частыми налётами немецких самолётов на ж. д. станции, систематически разрушавшими пристанционные пути, строения и нарушившими связь. Имели место случаи налёта авиации при работе по эвакуации детей. Так, на ст. Пола обстрелян эшелон детей Дзержинского района, вывезенных из Залучского района. Среди детей при обстреле жертв не было.

На ст. Лычково в момент подготовки и посадки детей в эшелон был произведён неожиданный налёт. Одиночный германский бомбардировщик скинул до 25 бомб, в итоге было разбито два вагона и паровоз из детского эшелона, порвана связь, разрушены пути, убит 41 чел., в том числе 28 ленинградских детей, и ранено 29 чел. и в том числе 18 детей. Через 1 час после первого обстрела была объявлена воздушная тревога, и немецкие бомбардировщики подвергли повторной бомбёжке и пулемётному обстрелу Лычково.

При перевозке детей автобусами из Молвотицкого района в г. Валдай были случаи обстрела автобусов и автомашин. Так, 25 июля автобус с детьми был замечен немецким самолётом. При появлении самолёта дети были укрыты в лесу. Самолёт сделал несколько кругов над автобусом, изрешетил его из пулемётов и в заключение бросил в автобус несколько бомб, разбив транспортное средство. Среди детей жертв не было.

[1] Кузинец И. М. Идет война народная: (к 70-летию полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады). СПб., 2014. С. 30.

Следует отметить хорошую работу работников Калининской ж. д., проявивших заботу о продвижении детских эшелонов. В результате чего, несмотря на частые бомбардировки всех ж. д. станций по линии следования эшелонов, включая ст. Бологое и Медеведево, ни один из детских эшелонов не пострадал, и за исключением жертв в Лычково, других жертв бомбардировок не было.

Выдача продуктов питания для детских эшелонов производилась в Валдае, и никаких жалоб от сопровождающих эшелоны на недостаток продуктов не поступало.[1]

Несколько эшелонов с детьми были отправлены в Ярославскую область, большинство же детворы вывезли в Ленинградскую область, в районы Луги, Толмачёва, Гатчины и другие места постоянного отдыха детей в мирное время, то есть навстречу наступающему противнику. И только тогда, когда танки противника, оставив позади себя Псков, мчались к Луге, опасность положения была осознана. Всех ребят, которые были так поспешно вывезены не в тыл страны, а ближе к фронту, удалось обратно перевезти в Ленинград. Отсюда через некоторое время несколько десятков тысяч детей были снова эвакуированы, но на этот раз уже в тыл страны. Около трёх лет находились они в разлуке с родителями, которыми пришлось за это время пережить невероятные трудности и лишения.

Тяжело было матерям расставаться с детьми, которых эвакуировали в далёкие края (Кировскую, Свердловскую область). Много было пролито слёз при расставании, и ещё больше оставалось невыплаканного горя на сердце родителей. Но в скором времени тревога отцов и матерей за судьбы детей сменилась чувством удовлетворения. Их дети находились в полной безопасности. Органы власти создали все необходимые условия для обучения и воспитания эвакуированных ребят. Они были размещены в

[1] Из районов области сообщают… свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны; 1941-1945: сборник документов / А. Р. Дзенискевич. Санкт-Петербург, 2006. С. 39-40.

тёплых помещениях, обеспечены питанием и окружены заботой и вниманием.[1]

7 февраля 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта ввёл новые, повышенные нормы продовольственного снабжения для детских учреждений. Для домов малюток и интернатных групп детских яслей: мясо- 1 кг, жиры – 0,87 кг, яйцо – 15 шт., сахар – 1,2 кг, чай – 10гр., кофе – 50 гр., крупа и макароны – 1,5 кг, хлеб печёный – 7,5 кг, мука пшеничная – 0,3 кг, сухофрукты – 0,2 кг, молоко сгущённое – 1 кг, мука картофельная – 0,15 кг.

Уделялось внимание столовым детских садов. Так, в феврале 1943 г. были проведены широкомасштабные проверки продовольственных и промтоварных структур в Ленинграде. Это касалось распределения промышленных товаров и продовольственного снабжения. Совместные бригады ответственных работников советских и партийных органов города выявили массу злоупотреблений, таких как расхищение, обвешивание, обсчёт.[2]

В 1942 году родилось 13677 детей, к сожалению 233 из них были мёртворождённые, следовательно, живых родилось 13444. Мальчиков рождалось больше, чем девочек. На 100 родившихся девочек приходилось 105,4 мальчика.

На протяжении всех блокадных лет перед органами власти Ленинграда стояла сложная задача – предупреждение детской беспризорности. 7 января 1942 г. исполком Ленгорсовета принял специальное решение №59 «О борьбе с детской безнадзорностью». В нём предлагалось райисполкомам усилить внимание и заботу о детях, лишившихся родителей, обеспечить направление их в детские дома, назначение патронажа, опеки и проведение других мероприятий по предупреждению и ликвидации безнадзорности детей. В соответствии с этим решением создавались 17 новых детских домов. К марту

[1] Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. Л., 2006. С. 80.
[2] Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят: сборник документов / А. Н. Чистиков. СПб., 2014. С. 437-440.

1942 г. число детей в 98 детских домах достигло 14300 человек. В феврале 1942 г. в каждом районе города были подготовлены детские приёмники – распределители УНКВД. Со дня их открытия и до конца 1942 г. через них прошло 26750 детей. Детские приёмники были полностью укомплектованы педагогическими, медицинскими и техническими работниками и оснащены нужным оборудованием и посудой.

Органы милиции задерживали всех детей, пребывавших на улице без родителей после 21 часа. На рынке выделялись специальные патрули, формировались пикеты при отделах милиции из молодёжного актива. В условиях дефицита приёмников–распределителей органы милиции были обязаны результативно улаживать вопросы эвакуации детей. Данная работа пребывала под непрерывным контролем и воздействием партийных, советских органов власти и общественности.

Массовое развёртывание сети детских домов потребовало от отделов народного образования большой организационной работы по созданию новой сети, обеспечению её кадрами и выделению соответствующих помещений. В содержании работы детских домов первостепенное значение имели вопросы здравоохранения, питания, наведение порядка и чистоты. Большое место в работе органов народного образования занимала справочная работа по розыску детей, потерявших семью, и восстановление связи этих детей с родителями, находившимися на фронте.[1]

В конце декабря 1941 г. существующие 17 детских домой не могли принять всех безнадзорных детей. Вследствие невероятных трудностей подвоза продуктов питания для населения, постоянных бомбёжек, обстрелов города, каждый день уносивших жизни матерей и отцов, создавался всё новый и новый контингент детей-сирот.

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокады / Н. К. Новиков. Л., 1988. С. 189.

Исполком Ленгорсовета в течение января-марта 1942 г. вынес ряд решений по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, обязывая Ленгороно обеспечить приём осиротевших детей и подростков в детские дома в течение 24 часов без отказа. На основании этих решений развёртывались детские дома по мере необходимости с тем, чтобы в городе не было ни одного безнадзорного ребёнка.

Работники гороно и районных отделов народного образования с помощью комсомола создали, несмотря на все трудности, актив из числа учителей, домохозяек, старших учащихся для того, чтобы быстрее находить детей-сирот непосредственности и нашим инспекторам исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся своим решением обязал управхозов ставить в известность органы народного образования о каждом случае сиротства немедленно. На основе этого решения в каждом доме была организована комиссия для непосредственной связи с жильцами дома и своевременного выявления сиротства.[1]

Общими усилиями общественности под непосредственным руководством органов народного образования осиротевшие дети в большинстве своём попадали в детские дома в пределах 24 часа. По выявлению детей-сирот и доставке их в детские дома и детские приёмники многие товарищи проявили истинный героизм. Например, учительница Миронова обнаружила и доставила на салазках (городской транспорт не работал) в детские учреждения своего района 100 человек детей-сирот. В целях выявления детей-сирот в январе-апреле 1942 г. силами общественности проводились несколько раз поквартальные обходы, в результате которых каждый раз выявляли то или иное количество детей, оставшихся без родителей и в невероятно трудных условиях.

[1] Петрова М. А. Страшнее всего мысль была, что мама погибла // Дети войны: народная книга памяти. М., 2015. С. 50-51.

В детских домах ощущался недостаток в мягком инвентаре, в особенности в тёплой одежде и обуви для воспитанников. Ввиду двукратной эвакуации воспитанников детских домов большая часть имеющегося белья детских домов была направлена вместе с детьми. Большинство детских домов имели только по две смены белья, а в отдельных детских домах 1,5 смены. Занаряженной Наркомпросом детской одежды и обуви облоно не смог получить, так как в срок, указанный в наряде, Наркомпрос полагающимся инвентарём не обеспечил. В то же время Леноблпромсовет по решению исполкома Леноблсовета должен был изготовить для детдомов 2500 пар обуви, а было изготовлено всего 534 пары.

В тех детских домах, где хорошо поставлена работа в подсобных хозяйствах, воспитанники детских домов в значительной степени лучше были обеспечены питанием (Жадинский и «Красный броневик»). Но там, где директора детских домов нерадиво относились к подсобным хозяйствам, а также не занимаются по-настоящему доставкой продуктов, полагающихся по государственным нормам, регулярное питание воспитанников не обеспечивалось. Имели место случаи, когда детям на завтрак давали кипяток с хлебом (Бокситогорск, Мошенское).[1]

Все детские дома были укомплектованы директорами и воспитателями, но отдельные директора детских домов работали плохо (Бокситогорский, Устрицкий, Пиросский). В Устрикском детском доме по вине директора была допущена вспышка сыпного тифа. Из 120 воспитанников 55 переболели сыпным тифом (директор Устрикского детского дома Вьюгина разрешила временно проживать в детском доме своей сестре, прибывшей из заключения; через несколько дней заболели дети Вьюгиной, находящиеся в детском доме, а от них и другие воспитанники). Хорошо была поставлена работа в детских домах: Жадинском, «Красный броневик», Соминском и др.

[1] Скоков А. Г. На всех была одна судьба: к 70-летию освобождения Ленинграда от вражеской блокады / А. Г. Скоков. СПб., 2013. С. 145.

В течение периода с декабрь 1941 по июль 1942 г. (самый наибольший рост детской безнадзорности) детскими домами г. Ленинграда принято около 40 тыс. детей, и таким образом в городе-фронте не было допущено развитие детской безнадзорности, предотвращена возможность эпидемических заболеваний среди детей и самое главное – спасены жизни десятка тысяч детей, родители которых стали жертвой блокады города, варварски разрушаемого врагом, или сражались за честь и свободу своей Родины на фронтах Великой Отечественной войны. Лозунг «Ни одного беспризорного в Ленинграде» повседневного проводился в жизнь – отказа в приёме детей в детские дома не было.

Молодежь постоянно являлась первенствующей и энергичной общественной группой общества, которая значительно воздействовала на случившееся в Ленинграде. Воинское настроение, уверенность в успехе и мощь молодёжи способствовала многочисленная социально-политическое объединение молодёжи Ленинграда – ВЛКСМ. В соответствии с Уставом ВЛКСМ в комсомол принимались юноши и девушки от 14 до 28 лет. Так летом 1942 года шестнадцатилетних комсомольцев, – Алексея Пресмана, секретаря комсомольской организации 24-й школы, и его заместителя Владислава Молдованцева – вызвали к секретарю Василеостровского райкома комсомола.[1]

Секретарь, молодой человек, одетый в военную форму, заявил:

« – Ребята! После тяжёлой зимы в результате голодной смерти, обстрелов и бомбёжек в городе остаются дети без родителей. Для них созданы детские приёмники райотделами НКВД. Сейчас объявлен декадник выявление беспризорных и безнадзорных детей. Этим занимаются органы милиции, работники детприёмника, а от райкома комсомола мы посылаем

[1] Страницы блокадного детства: сборник воспоминаний юных жителей блокадного Ленинграда. Владимир, 2014. С. 37-41.

вас. Это особое комсомольское поручение. Важность его вам объяснять не надо».

Были получены соответствующее удостоверение, адреса домов, в которых поручалось действовать. С утра до комендантского часа слабые от дистрофии и цинги, усталые, они ходили с управдомами по этажам. Обнаружив детей без родственников, старались собрать их документы – метрические свидетельства, продовольственные карточки и нужную одежду. Ослабленных детей приходилось нести на руках и по очереди, потому что сил у самих было маловато. Детприёмник находился на 11-й линии Васильевского острова, между Большим и Средним проспектами, а идти с ношей нужно было до него нередко с острова Декабристов. К тому же очень мешали артиллерийские обстрелы.

В отчёте райкома ВЛКСМ впоследствии о работе юных комсомольцев было сказано следующее:

«Направленные РК ВЛКСМ тт. Молдованцев В. и Пресман А. приняли большое участие в проведении декады по выявлению безнадзорных и беспризорных детей района. Всего по району выявлено 116 человек.

Значительная заслуга в этой работе падает на тт. Молдованцева и Пресмана, они добросовестно отнеслись к порученной им работе, быстро связались с домохозяйствами…».[1]

Ленинградские врачи также поднимались на охрану жизни и здоровья детей блокадного города. Наиболее тяжёлыми испытаниями для блокадных жителей были голод и холод, начавшиеся в итоге гибельного дефицита питания и проблемы с обогревом. Через несколько недель с начала осени 1941 г. среди жителей возникли многочисленные прецеденты болезни алиментарной дистрофией, которая вначале поражала детей. Тысячи жителей Ленинграда погибали от непрерывных обстрелов и бомбёжек. С началом

[1] Пянкевич В. Л. Спасение детей и подростков в блокадном Ленинграде / В. Л. Пянкевич // Петербургские исследования. 2010. С. 173-175.

войны весь режим здравоохранения повиновался условиям блокады. Так, к примеру, Елена Струцовская работала в блокаду участковым врачом в 32-й детской консультации Фрунзенского района (Транспортный переулок, 5), которая обслуживала детей до трёх лет. Общими характерными чертами коллектива были величайший, безграничный патриотизм, непреклонная вера в победу и желание своим до предела напряжённым трудом принести посильную помощь Родине.

Это позволяло им, находясь большую часть дня на улицах (пользуясь при этом пропусками на право хождения во время воздушной тревоги), не замечать обстрелов, приглушать чувство голода и думать лишь о том, что необходимо дойти до больного ребёнка и оказать ему помощь.[1]

У Елены Струцовской волею случая сохранился черновик доклада, который она делала в Малом зале Фрунзенского райисполкома, на медицинском активе района, посвящённом 25-летию советского здравоохранения, летом 1943 года. Этот доклад, сделанный в годы войны блокады, слушателями которого были только блокадники, точно отражает вопрос о том, как детские врачи работали и какие задачи решали.

«…Так подошла памятная зима 1941-42 года. Коллектив консультации твёрдо, без колебаний, шёл навстречу трудностям. В самые холодные зимние дни, когда весь район был, лишён воды и её приходилось доставлять с Невы, ослабленные работники её доставляли. И ни на один день не была приостановлена работа по приготовлению детских смесей. Более того – ни одного дня смеси не были отпущены детям в нестерильном виде.

В течение всей зимы бесперебойно работало паровое отопление, дрова и уголь заготовляли сами работники. В помещении консультации было тепло и чисто, что всегда с большим удовлетворением отмечалось матерями. Они отдыхали и отогревались, попадая в консультацию.

[1] Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга / А. М. Адамович, Д. А. Гранин СПб., 2017. С. 76-79.

Обслуживание детей на дому не прекращалось ни в дни бомбардировок, ни во время артобстрелов, ни в ледяные зимние дни. В консультации даже не существовало понятия о непосещении ребёнка в первый день вызова. Это были тяжёлые, незабываемые дни. Врач шёл в холодные, нетопленые квартиры, был свидетелем глубокого горя – смерти родных и близких людей – и не мог быть пассивным созерцателем. Своим посещением он всегда старался кроме медицинской помощи оказать и моральную помощь матерям. Это было его гражданским долгом. Преданный детям, преданный матерям своего участка, врач старался сделать всё, что от него зависело, чтобы хоть немного облегчить их участь. Иногда он по два, по три раза заходил в квартиру только лишь потому, что знал, что в его присутствии, в его заботе, его ласковом слове мать черпает силы для борьбы с невзгодами.

Никогда не позволяли себе врачи и медицинские сёстры ограничиваться лишь заботой о детях до трёх лет. Если в квартире, куда они попадали, были безнадзорные дети старше трёхлетнего возраста, они не успокаивались до тех пор, пока не помещали их в соответствующее детское учреждение.

Всё личное уходило на задний план. Коллектив работал честно, по-большевистски, спаянный любовью к детям, любовью к своему делу, ненавистью к врагу.

«Где и когда ещё детей любили, как в нашей дорогой Советской стране?» – задаёт вопрос поэт Гусев. Да, нигде и никогда их ещё так не любили, о них ещё так не заботились. Ни голод, ни холод, ни житейские невзгоды не явились преградой для этой большой любви, не позволили ни на шаг отступить от своего долга, ни на минуту забыть о детях».[1]

Комсомольские бытовые подразделения получили широкие возможности от Ленгорсовета: они имели право переселять жильцов из

[1] Память письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 337-338.

одной квартиры в иную, более благоустроенную, определять беспризорных детей в детские дома, ходатайствовать об эвакуации населения. «В квартире по проспекту Карла Либкнехта, д. 4, – вспоминала М. Прохорова, – мы застали целую семью: бабушку, двоих детей, которые лежали на кровати. А квартира была залита водой. Там прорвалась канализация, квартиру затопило, бабушка, и дети выйти не могли, лежали на кровати и не знали, что им делать. Мы вместе с управхозом нашли свободную квартиру, подготовили её и переселили бабушку и детей в эту квартиру».

В Ленинграде день ото дня увеличивалось количество детей, оставшихся без родителей. За 5 месяцев 1942 г. в городе было открыто 85 детских домов, приютивших 30 тыс. детей. Сироты-подростки поступали в ремесленные школы, спецшколы и другие учебные заведения. Из комсомольцев были созданы бригады, помогавшие обслуживающему персоналу детских домов приводить в порядок работу.[1]

Таким образом, спасение и защита детей была первоочерёдной задачей для государства. Предпринимались всевозможные меры по спасению детей Ленинграда: эвакуация, введение детских карточек, увеличение количества детских садов, школ, детских домов, медицинское обслуживание, в т. ч. на дому, непрерывная работа в условиях войны детских кружков, театров и других развлекательных учреждений.

1.7. Восприятие лишений детей блокадного Ленинграда

Дети блокады – это особая категория жителей Ленинграда, которых обстоятельства лишили детства, заставили повзрослеть намного раньше и бороться за выживание на уровне взрослых и умудренных опытом людей. На

[1] Непокарённый Ленинград: краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны / А. Р. Дзенискевич. 2-е издание. Л., 1979. С. 167-168.

момент замыкания блокадного кольца в Ленинграде оставалось 400 тысяч детей. Каждый ребёнок блокадного Ленинграда воспринимал войну и голод по-разному. Но одно их объединяло – это героизм. Дети ещё не сразу осознали опасность, которая нависла над Родиной. Но первые бомбы, которые обрушились на Ленинград, и снаряды – они дали понять, что такое настоящая война.

Детские дневники сохранили память о пережитых днях, в них можно определить какого же было моральное состояние младшего поколения, каких аспектов затрагивали их переживания. Так, например, воспоминания Валентина Байкова позволяют понять, как детское поколение восприняло начало войны, а именно речь Сталина от 3 июля 1941 г.

Валентин Байков, будучи шестнадцатилетним подростком, писал: «Заметно повлияла на наши умы речь Сталина от 3 июля 1941 г. Во-первых, совершенно необычное обращение уже в своей сути было настораживающее тревожным. Во-вторых – нерадостный обзор военных событий и их возможных последствий. Тогда, в начале июля, мы впервые почувствовали всю опасность, грозящую нашему государству».[1]

Морально-политическое единение защитников Ленинграда, их возвышенный моральный облик и дружественная взаимовыручка помогли им выдержать в смертельном поединке с голодом. Родные и ближние делились друг с другом своим маленьким куском хлеба, дети, получавшие в школе суп без вырезки талонов из продовольственной карточки, стремились доставить его своим родным. Побывавший в декабре 1941 г. в одной из ленинградских школ-интернатов генерал М. Духанов вскоре вспоминал: «Стою в вестибюле интерната у дверей. Ребята (ленинградцы) уходят домой навестить родных. По лестнице стремительно сбежал мальчик лет четырнадцати, споткнулся с тупым звоном, из него вываливалась горстка свекольной гущи, каши, леденец…

[1] Байков В. Память блокадного подростка. Л., 2006. С. 18.

– Куда ты несёшь еду, – спросил я у мальчика.

– Домой, маме. Она еле ходит от голода, – мальчик утёр глаза кулаком.

Я стал останавливать других ребят и спрашивать, не несут ли они еды. Оказалось, несут. Кто маленькому братику или сестрёнке, кто отощавшему полумёртвому отцу, кто больной от голода матери, кто престарелой бабушке».[1]

Проблема питания более остро стояла в перечне всех остальных невзгод. Отношение детей к пище изменилось, остались позади все капризы, касающиеся еды. О том, как дети воспринимали в голодные годы хлеб, говорит следующая запись из дневника Лидии Ефимовны Агафоновой: «Моя дочь, которая осталась в городе, вместе со мной поднималась на крышу, тушила «зажигалки», спрашивала: «Мама, правда, хлеб вкуснее пирожного?».[2] Нередко в школах и дома тема еды была под запретом. Так, Тамара Куликова блокаду переживала со своим сыном. В свои семь лет он был очень терпелив, целыми днями сидел на корточках в углу «буржуйки» и ждал, когда позовут есть. Только перед сном он просил бабушку разрешить вспомнить о еде. Говорил: «Бабушка! Помнишь, как я не любил манную кашу даже с джемом, а сейчас бы я любую съел!..».[3]

Многие дети в блокадном городе вели дневники, но также в городе оставались совсем юные ленинградцы до 6 лет, которые в основном не умели переносить свои воспоминания на бумагу. Спустя годы после войны бывшие дети блокады также опишут свои детские воспоминания. Так, например, когда началась блокада, Виктории Смирновой было немногим более пяти лет. Казалось бы, ну что можно запомнить в таком возрасте?! Но Вика помнила и детский сад на улице Ребинштейна, и грохот разрывов, и вкус зелёной дуранды. Если бывала каша, то ели её всегда обратной стороной ложки, размазав по тарелке, чтобы продлить удовольствие. В памяти Вики

[1] Духанов М. В сердце и в памяти. М., 1965. С. 214.
[2] Маграчёв Л. Е. Репортаж из блокады. Л., 1989. С. 141.
[3] Память письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 335, 339.

остались руки воспитательницы, ласковые, добрые, как у мамы. Они спасли многих маленьких ленинградцев. Люди, опекавшие тогда малышей, – те же солдаты блокадного Ленинграда. И подвиг их – так же велик. [1]

Много страданий перенесло поколение войны, однако память в дневниках более сохранила светлое чувство, которое поддерживало детей, – веру в прекрасное завтра, в людей, сплотившихся в единую семью. Товарищеская сплочённость незнакомых и малознакомых людей, постоянная взаимная поддержка – вот что видели дети и подростки блокадного города.

Люди делились друг с другом кусочками столярного клея, дуранды, олифой, другими «деликатесами», как праздничными подарками, чтобы доставить товарищу маленькую радость, поддержать его. В городе царило полное спокойствие. За всю войну многим не пришлось услышать ни одного голоса уныния или неверия. Победа над врагом подразумевалась как бы сама собой. И каждый делал для неё всё, что мог.

Всё, что происходило, дети не считала чем-то исключительным. Жили настроением и примером взрослых. Не думали, что взрослые совершают героизм, ибо никогда не слышали от них громких слов. Детей Ленинграда сурово воспитывала жизнь, предъявлявшая строгие требования без скидок на возраст. Терпеливо, душевно, спокойно и без излишних эмоций воспитывали учителя. В каждом детском дневнике написаны слова благодарности всем им. Так, например, Михайлов Андрей в дневнике делился своими воспоминаниями о своей классной руководительнице: «Мне особенно дорога память об учительнице Тамаре Алексеевне Петровой, которая была нашим классным руководителем. В тех условиях она первой зародила в наши души искры любви к литературе, к русскому языку. Очень важно, что она всех нас, отчасти беспризорных и малокультурных подростков, хорошо понимала и не спешила делать выводы, как бы плохо мы иной раз не выглядели в её глазах.

[1] Антонова Л. И. «В блокадном детстве нас мало волновала гибель людей: такая жизнь – с голодом, холодом и смертями – была привычной // Люди и время: Альманах: Воспоминания жителей Фрунзенского района о блокаде. СПб., 2014. С. 75-78.

Она воспитывала человека, прежде всего человеческим отношением к нему».[1]

Но всё же суровая зима 1941 года подкосила всеобщий настрой, и в дневниках данного периода показана общая обстановка той зимы. Зиму 1941 г. удалось пережить далеко не всем жителям города: Миша Тихомиров был одним из них. Его дневниковые записи вполне описывают то настроение, которое царило в ту зиму. Мальчик 16 декабря 1941 года записал: «Вообще же держать настроение достаточно бодрым иногда трудно: сказываются и холод, и недоедание.

9 января: Люди по городу ходят, как тени, большинство еле волочит ноги; на больших дорогах к кладбищам масса гробов и трупов без гробов. Трупы, просто лежащие на улицах, – не редкость. Они обычно без шапок и обуви… Трудно будет выдержать этот месяц, но надо крепиться и надеяться».

Это последняя запись в дневнике Миши Тихомирова, он погиб при обстреле города.

Детское восприятие поменялось настолько, что казавшиеся обыденным до войны, в блокаду приобрело свою уникальность. Лев Успенский запечатлел в дневнике историю, свидетельствующую о том, насколько изменилось детское восприятие: «Я попридержал шаги. Передо мной открылось сцена на первый взгляд незначительная, на второй взгляд – весёлая, а на третий – и существенно заслуживающее внимания, и благодушная. На кирпичной стене высокого заводского корпуса, была укреплена обыкновенная газета.

Перед газетой стоял и внимательно читал сводку Совинформбюро старик. А возле ног этого заурядного старика, соединённое с ним поводком-ремешком, сидело абсолютно необычайное, неслыханное в те дни в

[1] Архангельский И. В. Детство во время войны // Ровесники: Немцы и русские. СПб., 2015. С. 47.

Ленинграде существо: небольшая, гладкошёрстная, тёмно-рыжая собака. Сидела, немного дрожа от утренней свежести и беспокойно зевая.

Собака в Ленинграде? Да мы вот уже скоро два года, как и в глаза не видели собак. Откуда им было тут взяться? Девять десятых их погибло и от холода, и от голода, и от разных иных причин; одна десятая – это мы тоже знали – через фронт, через Ладогу удрали туда, где было сытнее.

Собака на ленинградской улице в апреле 1943 года была таким дивным и удивительным феноменом, что я решил перейти улицу и спросить у её владельца: откуда взялось это чудо? Посчастливилось ли ему её каким-то необъяснимым образом сохранить в опасные месяцы абсолютного голода, или, возможно, ему уже теперь её привезли в подарок «из-за кольца»?

Я пошёл наискось через улицу, но не успел. Меня опередили. По той дороге, на которой стояли старик и его пёсик, навстречу нам с верещанием бежало человек десять или двенадцать маленьких девочек и мальчиков под начальством няни, тоже совсем молодой, свежей, весёлой, но – на костылях. Ребята бежали бегом, а она на своих костылях прыгала за ними. И вот ребята окружили маленького пса со всех сторон. Они с удивлением присели вокруг собаки на корточки, глядя на неё со смешанными ощущениями – подозрения, сомнения, восторга.

– Антонина Васильевна! – вдруг зашумели тогда ребята. – А это кто? Это киска? Ой, почему она так язык высунула? Как не киса? А кто же это тогда? В тот миг мы все трое посмотрели друг на друга и быстро отвернулись. Особенно мы со стариком: девушке нечего стыдиться, что у неё слёзы на глазах, а вот нам.

И мы, покачав головами, пошли в разные стороны. А я ещё пообещал тогда себе: когда придёт Победа, обязательно написать, чтобы люди ведали,

чтобы они не забывали об этом, и про блокаду, и про эту встречу, и, самое обязательное, про детей-блокадников».[1]

Эта ситуация показывает, что эти дети родились, вероятно за год или за два до начала войны. Пока она не наступила, они ещё ничего не успели увидеть – ни кошек, ни собак, ни зайцев, ни белок. А потом, во время самого ужасного, что произошло в дни войны в мире, во время блокады, уже негде было увидеть этих зверей. Они выросли, не зная ни собак, ни кошек, не умея их отличить.

Те дети, которые остались в Ленинграде, при всей заботе о них родителей, городских и районных властей, общественности перенесли тяжёлые лишения. Их чистые глаза видели слишком много горя и страданий. Страшные ночи бомбардировок, ужас разрушения жилых домов, гибель близких и родных людей не могли пройти мимо впечатлительной души подростков и детей. О том, что так случилось, приходится только сожалеть.[2]

Когда наступило, 18 января 1943 года, вечером из репродуктора раздался торжественный голос диктора, который чеканил каждое слово: «После семидневных боёв войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января объединились в районе Рабочих посёлков номер 1, и номер 5 и тем самым прорвали блокаду города Ленинграда».

19 января 1943 года весь Ленинград алел красными флагами. Салюта тогда не было даже в столице, а в Ленинграде тем более – враг всё ещё находился у его стен, но триумф людей был безмерным.

Из дневника Феликса Ржаксинского: «Помню, как мы испугались первого салюта, особенно брат. Мы не могли понять, почему не прячемся, когда так близко стреляют. Многие дети боялись и плакали на салютах.

Помню День Победы. Мне кажется, что это было солнечное воскресенье, все ходили друг к другу, просто по улицам, плакали, смеялись,

[1] Дети военной поры, издание второе, дополненное. М., 1988, С. 75-192.
[2] Павлов Д. В. Ленинград в блокаде. Л., 2006. С. 80-81.

целовались. Почему-то в этот день никто не запирал двери квартир – всё было нараспашку.

Помню, как выкапывали из земли статуи в Летнем саду и разбивали газоны. Стали запрещать ходить по ним. Это казалось странным: ведь раньше здесь были огороды, и все ходили, как было удобнее.

Странным казалось и то, что люди считали мягкий хлеб лучше чёрствого. Мы привыкли, что чёрствый лучше, его ведь больше идёт на тот же вес, чем мягкого».[1]

В данной главе были затронуты все аспекты детской жизни в блокадном Ленинграде. Во-первых, каждодневный быт, состояние города. Прекращение работы почти всех бань, прачечных, магазинов, отсутствие электричества и общественного транспорта. Состояние города вызывало опасение, что даёт подтверждение детские записи в дневниках. В данной главе описано, как же дети выживали в опасных условиях наравне с взрослыми ленинградцами. Помимо скудных бытовых условий и голода, город каждодневно обстреливался и бомбардировался. Во-вторых, детский досуг: дети оставались детьми, требующими развлечений. Но блокада и тут внесла свои изменения, дети стали более серьёзными, а игры менее подвижными. Стоит отдать дань уважения самому руководству города Ленинграда, во время блокады продолжали действовать театры, кинотеатры, радиостанции, библиотеки, что, несомненно, скрашивало повседневность детского населения. В-третьих, оставшихся в городе детей не могли оставить без образования, поэтому школы продолжали свою работу. В школьной программе появились свои изменения, а именно обстрелы, воздушные тревоги, бомбёжки прерывал уроки, и занятия вынуждены были продолжать в бомбоубежищах. Сокращение уроков и простота подачи материала, по причине ослабленного состояния детей. На переменах не было слышно

[1] Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду. / Сост. Н. К. Новиков. Л., 1988. С. 114.

прежнего детского хохота, что удручало обстановку. В-четвёртых, на хрупкие плечи детей легла ответственность за город, это воплотилось в детском труде. Многие ленинградские газеты, такие как «Ленинградская правда», «Смена», освещали участие детей в трудовой жизни города: на заводах у станка, ликвидация зажигательных бомб, выращивание овощей, медицинская помощь. В-пятых, главной проблемой, описанной на каждой странице детских дневников, был голод. В еду шли все съестные продукты для прибавления сил, ведь порой выдаваемых по карточкам продуктов не хватало для утоления голода. Обеспечение детей было не только по детским карточкам, но и в больницах и детских домах. В-шестых, руководство города не забывало о мерах по спасению детей. Эвакуация проводилась с первых дней войны, но те дети, которые оставались в городе требовали ещё большей заботы. Внимания руководства уделялось детскому полноценному питанию, работе детских столовых, предупреждению детской беспризорности, работе детских больниц и домов. Заботу проявляли не только представители власти, но и медицинские работники. Обслуживание больных детей не прекращалось ни в обстрелы, ни в мороз. Последний аспект, который следует затронуть, – это восприятие лишений детей Ленинграда. Каждый ребёнок, прошедший блокаду и павший по вине жестокости фашистов, достоин звания героя. Восприятие детей поменялось, многие дети не знали, как выглядят животные (собаки, кошки, белки и т. д.), пугались первого салюта, в еде пропали капризы, хлеб стал самым главным продуктом для всех блокадников. Таким образом, пережитое в раннем возрасте оставило на всех детях блокадного Ленинграда неизгладимый след в сознании. Бывшие блокадные дети были серьёзнее, отзывчивее, ответственнее в жизни, более терпимы к различным неудобствам.

Глава 2. Применение результативного исследования преподавания истории в среднем общеобразовательном учреждении на примере темы «Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 — ноябрь 1942 г.)» по истории России (10 класс).

§1. Тематическое планирование

Тема «Дети блокадного Ленинграда» рассматривается в курсе Истории России в 10 классе по теме «Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 – ноябрь 1942 г).

Результаты исследования на основе тематического планирования, составленного на основе программы общеобразовательных учреждений, могут быть использованы по истории России (см. Данилов А. А., Косулина Л. Г. Программы общеобразовательных учреждений по истории России для 6 – 11 классов / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина. – М.: Просвещение, 2013).

Календарно-тематический план для 10 класса по истории России ориентирован на использование учебника: Горинов М. М., Данилов А. А. Моруков М. Ю. История России, 10 класс. Учеб. для образоват. организаций. В 3 ч. Ч. 2 / Горинов М. М., Данилов А. А. Моруков М. Ю. и др.; под ред. Торкунова А. В. – М.: Просвещение, 2016.

На основе данной программы, годовой учебный курс по истории для 10 класса рассчитан на 46 часов преподавания.

Место исследования в тематическом планировании представлено: раздел I. Россия в 1900 – 1921 гг. СССР в 1922 – 1945 гг. (29 ч.); глава III. Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. (7 ч.); урок № 49. Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 — ноябрь 1942 г.) (§21, стр. 11-24).

Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. (7 ч.).

№ урока	Тема урока	Источник (домашнее задание)
46	СССР накануне Великой Отечественной войны.	§20
47	Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 – ноябрь 1942 г.).	§21
48	Поражения и победы 1942 г. Предпосылки коренного перелома.	§22
49	Человек и война: единство фронта и тыла.	§23
50	Второй период Великой Отечественной войны. Коренной перелом (ноябрь 1942-1943 г.).	§24
51	Народы СССР в борьбе с немецким фашизмом	Материал для самостоятельной работы и проектной деятельности
52	Третий период войны. Победа СССР в Великой Отечественной войне. Окончание Второй мировой войны.	§25
53	Советская разведка и контрразведки в годы Великой Отечественной войны.	Материал для самостоятельной работы и проектной деятельности

§2. Технологическая карта

Предмет: История России.

Класс: 10.

Тема занятия: «Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 — ноябрь 1942 г.)».

Тип урока: комбинированный.

Место урока в тематическом планировании: урок № 21 / Великая Отечественная война 1941-1945 гг.

Форма урока: лабораторная работа

Форма обучения: фронтальная, групповая, индивидуальная работа.

Цель урока: сформировать знания и понятия об основных событиях и процессах начала Великой Отечественной войны, причинах, особенностях и закономерностях.

Задачи урока:

I. Образовательные:

1) назвать основные причины нападения Германии на СССР;

2) объяснить причины поражения Красной армии в начальный период войны.

II. Развивающие:

1) развить навыки анализа исторического источника и текста учебника;

2) выработать умение систематизации исторической информации и делать выводы.

III. Учебно-познавательные:

1) расширение знаний о Великой Отечественной войне.

IV. Коммуникативные:

1) развить умение вести учебное сотрудничество на уроке с учителем, одноклассниками;

2) отстаивать свою точку зрения.

V. Воспитательные:

1) дать представление о сложных и трагических событиях на начальном этапе Второй мировой войны;

2) формирование интереса к изучению истории.

Методы: исследовательский метод, работа с историческими документами.

Основные этапы урока:

Мотивационно-целевой этап;

Введение в новый материал

Работа по теме урока

Подведение итогов урока. Рефлексия

Средства обучения: карта «Великая Отечественная война: 1941-1945 гг.»; иллюстрации учебника; таблица «Силы и планы сторон»; мультимедийная презентация; записи из дневников детей блокадного Ленингрда; отрывок из книги Дзенисковича А. Р. «Непокоренный Ленинград», воспоминания Василевского А. М. и Жукова Г. К.

План урока:

№ п/п	Этап урока	Методы и методические приемы	Время (мин.)
1	Мотивационно-целевой этап	Проблемный метод	5
2	Практическая часть	Исследовательский метод	25
3	Проверка полученных знаний	Беседа, дискуссия.	10
4	Подведение итогов урока. Рефлексия	Методы контроля знаний	5

Планируемые результаты и задачи урока:

Предметные	Метапредметные	Личностные
сопоставить цели Второй мировой и Великой Отечественной войн; проанализировать мобилизационные мероприятия, проведённые советским руководством в начале войны; познакомить с датами основных	Познавательные УУД: создавать, применять и преобразовывать знаки и символы, модели и схемы для решения учебных и познавательных задач; владеть общим приёмом решения проблемных и творческих задач.	осознавать свою идентичность как граждан страны; осваивать гуманистические традиции и ценности общества; осмысливать социально-нравственный опыт предшествующих поколений.

исторических событий: 22 июня 1941 г., 8 сентября 1941 г.; познакомить с понятиями и терминами: Отечественная война, «котёл», Верховный главнокомандующий, блокада; привести примеры массового мужества и героизма советского народа в войне с фашизмом.	Регулятивные УУД: формировать целевые установки учебной деятельности; выстраивать алгоритм действий; работать по плану, сверять свои действия с целью и, при необходимости, исправлять ошибки самостоятельно. Коммуникативные УУД: осознанно использовать речевые средства в соответствии с задачей коммуникации для выражения своих чувств, мыслей и потребностей; владеть устной и письменной речью; слушать и вступать в диалог, участвовать в коллективном обсуждении проблем.	

Ход урока:

Этап урока, время этапа		Задачи этапа	Методы и приемы обучения	Формы учебного взаимодействия	Работа учителя (ссылки)	Работа учеников (ссылки)	Формируемые УДД и предметные действия
Мотивационно-целевой этап (5 мин).	Орг. блок, 1 мин.	Организовать самоопределение детей к деятельности на уроке	Вступительное слово учителя.	Фронтальная.	Приветствие учителя. Проверка готовности учащихся к уроку. Здравствуйте, проверьте всё необходимое на ваших рабочих местах и приступим к нашему уроку.	Приветствие учителя, проверка готовности рабочих мест к уроку.	Личностные: самоорганизация. Регулятивные: способность регулировать свои действия, прогнозировать деятельность на уроке.

		Целеполагание и постановка задач.	Беседа по выяснению составляющих победы.	Фронтальная и групповая.	Играет песня «Священная война», на слайде изображены плакаты (рис.1,2,3), на доске высказывание: Вольтера «Война есть бедствие и преступление, заключающее в себе все бедствия и все преступления». Великая отечественная война до сих продолжает оставаться на острие идеологических политических споров, вызывает яростное столкновение различных точек зрения. Как может быть	Учащиеся смотрят на плакаты, высказывание.	

					сформулирована тема урока? Озвучивание темы урока: «Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 – ноябрь 1942 г.)». На какие вопросы мы должны будем ответить, чтобы рассмотреть данную тему? Составляется план работы.	Дети формулируют тему урока: «Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 – ноябрь 1942 г.)». Записывают тему в тетрадь. Составляют план урока: 1. Начало войны: характер, силы и планы сторон. 2. Битва за	

						Москву. 3. Героическая оборона Ленинграда.	
Практический этап (25 мн.)	Информационный. 6 мин.	Объяснение нового материала.	Анализ и обсуждение.	Групповая.	22 июня 1941 г. было выходным днём. На рассвете началась самая страшная в истории нашей страны война. Давайте обратимся к учебнику. Определите почему, несмотря на проявленный массовый героизм и мужества, начало войны для нас было столь трагично? Тысячи немецких орудий открыли ураганный огонь по	Ребята высказывают свое мнение.	Познавательные: умение рационально использовать информацию; объяснить причины поражения Красной армии в начальный

	Аналитический. 19 мин.	Умение добывать знания, анализировать информацию, делать	Анализ и обсуждение.	Групповая.	заранее разведанным целям на советской земле. Армия Германии насчитывала 5 млн. человек, сведённых в 190 дивизий, вооружённая 4 тыс. танков и 5 тыс. самолётов. Изучите данные таблицы «Силы и планы сторон» (Приложение 2, таблица 1) и прокомментируйте их. Представьте, что вы – военные, ваша задача – составить план битвы за Москву. Класс делится на 3 группы.	Отвечают на поставленный вопрос: Ход войны показал, что советские войска были слабо подготовлены к ведению боевых операций в современных условиях. Группа №1 военных разрабатывает планы сторон (работают с материалом	период войны; познакомить с датами основных исторических событий: 22 июня 1941 г., 8 сентября 1941 г; познакомить с понятиями: Отечественная война, «котёл». Личностные: проявление интереса и активности в выборе решения; установление

		выводы.			К июлю 1941 г. немцы вторглись в пределы Ленинградской области. Захват Ленинграда для Гитлера имел особое значение. Защитники Ленинграда и его жители	учебника, стр. 16-17). Группа №2 соотношений сил и периодизация битвы работают с материалом учебника, стр. 17,18 и картой Приложение 3, карта 1). Группа № 3 ход военных действий, итоги и значение (работают с материалом учебника и дополнительным материалом Приложение 4).	личностного смысла знания. Регулятивные: умение составлять план и последовательность действий, осуществлять контроль по результату. Познавательные: охарактеризовать приказ №227 «Ни шагу назад»; познакомить с датами основных исторических событий: 30

					предпринимали отчаянные усилия, чтобы отразить наступление врага. До войны в Ленинграде проживало более 3 млн. человек. С ноября 1941 г. в городе начался голод. Ранняя зима принесла ещё одно тяжёлое испытание – страшный холод. Символом страшной блокадной поры стал дневник Тани Савичевой – маленькой блокадницы. Предлагается посмотреть записи Тани (Приложение 5, рис. 4). Но, Таня Савичева была не единственным ребёнком в тех трагических событиях. Сохранилось много детских дневников свидетельствующих о тех непростых днях. Прочитайте	Знакомятся с записями из дневника Тани Савичевой. Знакомятся с	сентября 1941 г. – апрель 1942г., 17 июля 1942 г., 23 августа 1942 г. Познакомить с понятиями: Верховный главнокомандующий, блокада.

					дополнительный материал (Приложение 6) и личными источниками (Приложение 7) ответьте на вопросы. Вопросы к документу: 1) Когда началась блокада Ленинграда? 2) Сколько дней длилась блокада? 3) Какие жизненные трудности пришлось пережить детям блокады? 4) Как помогали дети взрослым во время блокады?	документом и личными источниками, ищут ответ на вопросы. Блокада началась 8 сентября 1941 г. до 27 января 1944 г. Длилась она 872 дня. Детям пришлось пережить недоедание, холод, бытовые трудности, смерть родных. При этом дети оказывали помощь взрослым, работая на заводах, рыли окопы и т. д.	
Отчет групп (10 мин).		Умение аргументировать, дискутиро	Прием «Микрофон». Анализ и обсуждение.	Индивидуальная,	Слушает и корректирует ответы учащихся. Помогает сделать выводы.	Выступление учащихся,	Личностные: овладение нормами самоорганизаци

	вать, анализировать полученную информацию и применять на практике.		групповая.		дискуссия.	и. Регулятивные: осуществление контроля за результатом. Познавательные: выделение главной информации.
Рефлексивно-оценочный этап (5 мин)	Умение анализировать продукты своего труда. Умение компетентно оценивать себя.	Рефлексия. Оценивание.	Фронтальная.	Сегодня мы с вами узнали, в каких условиях проходил начальный этап Великой Отечественной войны. Что было самым трудным на уроке? Что было интересным? Что считаете наиболее важным? Озвучивание домашнего задания. Оглашение оценок.	Оценивание работы групп. Высказывание ребят. Ребята подводят итоги урока. Несмотря на силу и внезапность гитлеровского нападения на СССР, Красная	Личностные: умение провести самооценку и организовать взаимооценку (прогнозирование и контроль). Регулятивные: построение логической цепочки рассуждений и доказательство. Познавательные: умение

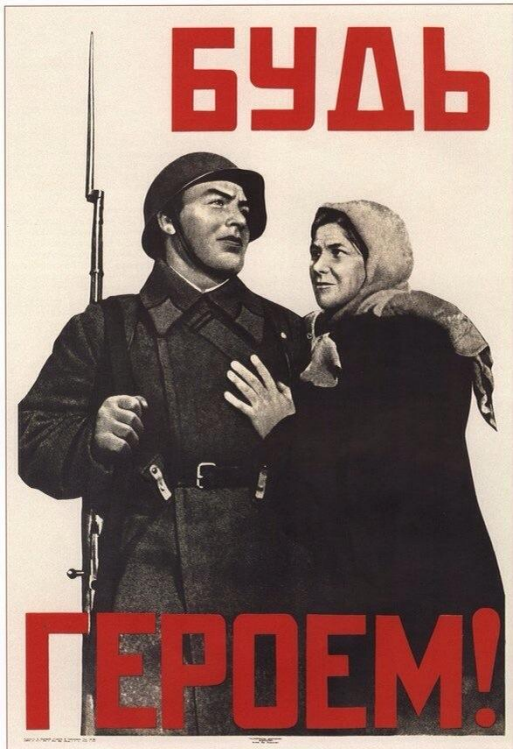
					Армия на начальном этапе войны смогла не только выстоять, но и собрать силы для перехода в контрнаступлении на стратегически важном московском направлении.	сформулировать алгоритм действия; выявлять допущенные ошибки и обосновывать способы их исправления обосновывать показатели качества конечных результатов.

Приложение 1

(рис. 1)

(рис. 2)

(рис. 3)



Приложение 2.

Таблица «Соотношение сил Германии и СССР на момент начала войны»

(таблица 1)

Германия	СССР
190 дивизий	170 дивизий
6 млн. человек	6 млн. человек
48 тыс. орудий и миномётов	47 тыс. орудий и миномётов
9,2 тыс. танков	4,3 тыс. танков
8,5 самолётов	5 тыс. самолётов
Германия предполагала с поддержкой фланговых танковых ударов разбить главные силы Красной Армии и выйти на линию Архангельск-Волга-Астрахань.	Основу тактики РККА до войны составляла концепция ведения боевых действий «малой кровью, на чужой территории». Впрочем, нападение гитлеровских армий принудило пересмотреть эти намерения.

Приложение 3

Карта «Контрнаступление советских войск под Москвой»

(карта 1)

Контрнаступление советских войск под Москвой

Приложение 4

Воспоминание А. М. Василевского и Г. К. Жукова

Из воспоминаний маршала А. М. Василевского: «Итоги октябрьских мероприятий были для нас довольно тяжелы. Армия понесла большие потери. Противник продвинулся вперёд практически на 250 км. Однако добиться целей, поставленных планом «Тайфун», ему не удалось. Стойкость и мужество советской столицы, поддержка тружеников тыла приостановили фашистские полчища».

Из воспоминаний маршала Г. К. Жукова: «Бои 16-18 ноября были для нас очень тяжёлыми. Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве своими танковыми клиньями. Не помню точно, какого числа это было. Вскоре после тактического прорыва немцев на участке 30-й армии Калининского фронта и на правом фланге 16-й армии мне позвонил И. В. Сталин и спросил:

- Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю Вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

- Москву, безусловно, удержим. Но нужно ещё не менее двух армий и хотя бы двести танков».

Приложение 5

(рис. 4)

Приложение 6

Отрывок из книги Дзенисковича А. Р. «Непокоренный Ленинград» [1]

30 августа 1941 года враг вышел к р. Неве, захватил ст. Мга и перерезал последнюю железную дорогу, соединявшую Ленинград со страной. Продолжая наступать на данном направлении, немцы 8 сентября захватили Шлиссельбург, заблокировав тем самым Ленинград с суши. С этого дня началась беспримерная оборона Ленинграда в условиях блокады – одна из самых самоотверженных и роковых страниц истории Великой Отечественной войны Советского Союза. Блокада продолжалась до 27 января 1944 года. Блокада Ленинграда длилась 872 дня.

[1] Дзенскович А. Р. Ковальчук В. М. Соболев Г. Л. Непокорённый Ленинград краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. – Л.: «Наука», 2006. – С. 102.

Приложение 7

Записи из детских дневников

Из личного дневника Лазаря Ратнера: «А голод всё усиливался, мама пыталась в добавление к голодному нашему пайку прибавить ещё что-нибудь съедобное. В папином ящике она отыскала две плитки столярного клея и сварила из него студень. Я съел две ложки, ужасающая гадость, лёг в кровать, накрылся одеялом, лежу, голод мучает, встал, съел ещё ложку, нет, есть невозможно».

Из личного дневника Александра Рожкова: «Начал давать о себе знать голод. Уроки в школе почти прекратились. Ходили только ради еды – тарелки супа: несколько тонких лапшинок в воде. Их мы моментально проглатывали».

Из личного дневника Миши Тихомирова: После первого урока, из-за мороза, нас попробовали переместить в 11-ю школу; как выяснилось, там ещё ужаснее к морозу прибавилось отсутствие света. Не понимаю, как просидели 2 урока. Пятнадцатиградусный мороз без сильного ветра. Трамваи после вчерашних заносов не ходят. Целый день с утра до вечера идёт отдалённая стрельба».

Учащиеся – дети и подростки, родители которых ушли на фронт, – трудились у станков без выходных, по 10-12 часов, а затем приходили в школу. Зина Рязанцева работала в цехе. Зимой ей довелось поработать на восстановление железной дороги в районе Московской-Навалочной. Зине было 15 лет, она страдала дистрофией. С ломом было справиться. Зина с другой девушкой киркой скалывали лёд с железнодорожного полотна, отыскивая повреждённые

рельсы. Затем все впрягались, как бурлаки, и тянули новый рельс к месту повреждения. Затем находившийся среди девушек единственный мужчина железнодорожными болтами скреплял рельсы.

Александр Рожков, как и многие дети Ленинграда, трудился на благо городу. В первых числах сентября 1941 года жильцы его дома были мобилизованы на строительство оборонительных укреплений. Саша ездил на трамвае в село Рыбацкое рыть окопы. Нередко шёл дождь, и работать приходилось в страшной грязи.

Список используемой литературы

1. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. Организаций. В 3 ч. Ч. 2 / М. М. Горинов, А. А. Данилов, М. Ю. Моруков и др.; под ред. А. В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2016. – 176 с.

2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. II. – М.: Воениздат, 1961. – 682 с.

3. Кириллов В. В. Отечественная история в схемах и таблицах. М.: Эксмо, 2004. – 296 с.

Подпись учителя:

_____ _____

(подпись) (фамилия, инициалы)

§3. Методические рекомендации

Чтобы более полно и твердо изучить тему «Начало Великой Отечественной войны. Первый период войны (22 июня 1941 — ноябрь 1942 г.)», вызвать у учащихся интерес к изучаемой теме, преподаватель должен провести предельную подготовительную работу. Она включает изготовление наглядных материалов, оформление документации, подготовку учащихся к проведению урока.

Преподаватель готовит и заранее выдает копии документов. Учащиеся, разбившись по группам, должны проанализировать документы, сделать выводы. Перед озвучиванием целей урока преподаватель настраивает учащихся на патриотическую деятельность, например песней «Священная война» и плакатами о войне. Закрепить настрой можно военной цитатой, из которой будут вытекать вопросы к учащимся по теме урока. Преподаватель составляет план урока совместно с классом. На уроке должна присутствовать работа с учебником, задания по группам, также учащиеся работают с документами и отвечают на вопросы к ним.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной выпускной квалификационной работе исследован процесс повседневности блокадного Ленинграда через призму детского восприятия.

Во-первых, согласно изучению эго документации быт и повседневность, практикуемые маленькими героями претерпели изменения. На детей возлагали обязанности по хозяйству. Домашние хлопоты они делили с учёбой и работой, дежурством. Фактором роста смертности были голод, обстрелы и холод. Добыча топлива стала важнейшей частью быта молодых ленинградцев. Но, несмотря на свой опыт дети, пытались раскрасить свой досуг, тем самым отвлечься от мыслей о еде. Активные игры забирали, много силы и нередко досугом детей было наблюдение в окно на людей, падающие листья или снег. Почти во всех дневниках детей блокады описаны новогодние ёлки. Также дети посещали кинотеатр и отправлялись в пионерлагеря. Всё это нередко происходило при артобстрелах и таким образом, добраться до места назначения живым было проблемой. Книги были неотъемлемой частью повседневности детей. В дневниках описано, как тяжело дети переносили сжигание книг. За лето 1942 г. дети окрепли, т. к. была открыта дорога жизни, в практику вошли подвижные игры. Ещё одним развлечением детей было сбор осколков и снарядов. Таким образом, повседневная практика детей кардинально изменилась в военное время.

Во-вторых, правительство не оставалось равнодушным к проблеме опасности детской жизни в блокадном городе. Спасение детей являлась первоочередной задачей государства. В конце июня 1941 г. создана городская комиссия по эвакуации детей. Были подготовлены помещения для размещения детей – школы, клубы, избы-читальни, свободные частные дома. Эвакуация проводилась по железной дороге и водным транспортом. Только в период с 29 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. было эвакуировано всего – 647550 детей. Но, несмотря на массовую эвакуацию, в городе находилось

более 400 тысяч детей в возрасте до 15 лет. Меры по спасению предпринимались и по отношению детей оставшихся в Ленинграде. Вводились повышенные нормы продовольственного снабжения для детских учреждений. Власть боролась с детской беспризорностью. В связи с этим количество детских домой продолжало расти. Участковые врачи также внесли свою лепту в процесс спасения детей, находясь большую часть на улице, при артобстрелах они направлялись в дома, где проживали дети. Таким образом, спасение детей было главной задачей для власти города и государства.

В-третьих, несмотря на тяжёлые условия в блокадном городе, обучение детей продолжалось. В октябре 1941 г. – 60 тысяч школьников приступили к занятиям, с 3 ноября 1941 г. ещё более 30 тысяч школьников. Школа помогала детям выжить, т. к. её снабжали едой. Особенностью было то, что детям в школе запрещалось говорить о еде. В школах обучение было связано с обороной города, учителя помогали детям морально пережить все лишения. Ещё одной особенностью школы являлись обстрелы, вой сирен на уроках, но занятия продолжались, только уже в бомбоубежищах. Учителя стремились проводить уроки более доступно и интересно. Заинтересовать детей становилось сложнее: столько тяжести и лишений легли на их плечи. Но обучению мешали постоянные тревоги и бомбёжки. На уроках дети сидели в верхней одежде из-за холода. Школы выдержали 1-ую блокадную зиму, но многое ещё предстояло сделать. В 1942 г. ситуация в школах заметно улучшалась, т. к. была открыта дорога жизни. Ученики постепенно приходили в себя после тяжёлой блокадной зимы. Учителя возвращали таких детей к прежнему состоянию. Ввели рационное питание, это заметно улучшило настрой учеников. Помимо занятий, в школах создавались пионерские отряды и дружины.

В-четвёртых, помимо школы, дети и подростки Ленинграда трудились вместе с взрослыми на заводах, в больницах, полях и т. д. Блокадные дети

были резервом рабочей силы блокадного города. Весной 1942 года в опустевшие фабрики многих предприятий пришли тысячи детей и подростков. В двенадцать – пятнадцать лет они становились станочниками, сборщиками, изготавливали боеприпасы и орудия, снаряжение для фронта. За мужество и стойкость, проявленные в условиях блокадного Ленинграда были награждены медалями за оборону Ленинграда.

В-пятых, у детей были своих страхи, мечты и надежды. Война лишила их детства, заставила повзрослеть. 400 тысяч детей, каждый воспринимал лишения по-разному. Одни просили еду при помощи плача, другие уходили в себя и молча, ждали своей порции. Среди них были герои, которые откладывали пищу близким. Но, особенность была в том, что дети не считали себя героями, не жалели себя, они просто жили с надеждой в будущее.

Характерной чертой ленинградцев в годы блокады была всесторонняя, особая забота о детях. Их в первую очередь стремились укрыть от обстрелов, от бомбёжек. Ленинград не мог уберечь своих детей от недоедания, от истощения, нередко от голодной смерти. Но, тем не менее, для них делалось всё, что только возможно.

Вопреки тому, что молодым ленинградцам было немного лет, и они не боролись на фронте, они внесли свою лепту в победу над фашизмом. Ленинград был городом-фронтом, и все дети вели себя как бойцы. Дети блокадного города росли, трудились и учились под разрывами бомб и снарядов, в условиях холода и голода. Через всю принуждённую эпопею самоотверженной защиты города они пережили как достойные сподвижники взрослых. Не было таких случаев, кампаний и дел, в которых они не принимали участие. Очистка крыш, борьба с «зажигалками», пожаротушение, разбор завалов, чистка Ленинграда от снега, присмотр за ранеными, выращивание плодов и второго хлеба – картофеля, работа по изготовлению оружия и боеприпасов – всюду действовали дети блокады.

Дети не вели войну на поле битвы, но их достоинство в том, что они выжили в тех условиях, в которых не выживали даже взрослые. Это ставило неприятелей в замешательство. Это придавало силу бойцам. Сотни маленьких блокадников были удостоены орденами, тысячи – медалями «За оборону Ленинграда». На равных, с ощущением сделанного дела встречались дети со своими ровесниками – получившими ордена и медали на фронте.

В осаждённом Ленинграде погибло больше мирных жителей, чем в аду Гамбурга, Дрездена, Токио, Хиросимы и Нагасаки, вместе взятых. За годы блокады Ленинграда погибло от 600 тысяч до 1,5 миллиона человек. Так, на Нюрнбергском процессе значилась цифра 632 тысячи человек. При условии, что в самом начале оккупации дети составляли почти пятую долю всего населения города, то, бесспорно, и среди убитых жителей они так же насчитывали около 20 % – 200 тысяч.

Цель, которую я себе поставила, перед написанием данной работы исполнить удалось. В конкретной теме сохраняется достаточно много значительных малоизученных проблем. В ходе исследования истории Великой Отечественной войны больше сосредоточенности акцентируется военным деяниям, а проблематика детей остаётся недостаточно затронутой. Данная работа облегчит познание конкретной темы.

Поколение детей войны – её последние очевидцы. По большому счёту, дневники детей – первенствующий герой этой работы.

Список использованных источников и литературы

I. Опубликованные источники

1. Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга / А. М. Адамович, Д. А. Гранин. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 608 с.

2. Антонова Л. И. «В блокадном детстве нас мало волновала гибель людей: такая жизнь – с голодом, холодом и смертями – была привычной // Люди и время: Альманах: Воспоминания жителей Фрунзенского района о блокаде. – СПб., 2014. – С. 75-79.

3. Бенцианов А. Я. «Своею жизнью я обязан матери» // Блокада глазами очевидцев: дневники и воспоминания. – СПб., 2015. – С. 87-103.

4. Блокадные дневники [Электронный ресурс] Блокада Ленинграда. URL: https://arzamas.academy/materials/1464 (дата обращения: 20.04.2019).

5. Вознесенская К. Дневник Капы Вознесенской // Детская книга войны: дневники 1941–1945 гг. – М., 2016. – С.121-130.

6. Воронов Ю. Боль, над которой не властно время. Воспоминания о блокаде в письмах, очерках и дневниках ленинградцев // Письма из блокады – СПб., 2015 – С. 9 – 64.

7. Ерёмина М. Дневник Маруси Ерёминой // Детская книга войны: дневники 1941—1945 гг. – М., 2016. – С.149-156.

8. Записки оставшейся в живых: блокадные дневники Татьяны Великотной, Веры Берхман, Ирины Зеленской / А.И. Рупасов , А.Н. Чистиков. – СПб.: Лениздат, «Команда А», 2014. – 510 с.

9. Листки блокадного календаря: сборник воспоминаний ленинградцев, переживших блокаду / Н. К. Новиков. – Л.: Лениздат, 1988. – 222 с.

10. Нежданова И. Моё блокадное детство // Отчизна родная! Сердцем всегда я навеки с тобой!»: СПб. воспоминаний о Великой Отечественной

войне российских соотечественников, проживающих за рубежом. – СПб., 2015. – С.156-174.

11. Петрова М. А. Страшнее всего мысль была, что мама погибла // Дети войны: народная книга памяти. – М., 2015. – С.50-53.

12. Пожедаева Л. В. Война, блокада, я и другие: мемуары ребёнка войны / Мила Арина – Л. Пожедаева. – СПб.: Каро, 2013. – 414 с.

13. Ратнер Р. Вы живы в памяти моей [Воспоминания блокадного мальчика] // Сб.: Нева, – СПб., 2002, №9. С. 110-152.

14. Рожков А. Живу и помню: Из воспоминаний о блокаде Ленинграда // Нева. – Л., 1988. №1. – С. 160-187.

15. Савичева Т. Дневник Тани Савичевой // Детская книга войны: дневники. 1941–1945 гг. – М., 2016. – С.19-21.

16. Серебряков В. Г. Школа в двойном блокадном кольце: воспоминания бывших школьников и учителей блокадной школы г. Ораниенбаума / В. Г. Серебряков. – Ломоносов, 2015. – 95 с.

17. Страницы блокадного детства: сборник воспоминаний юных жителей блокадного Ленинграда. – Владимир: Аркаим, 2014. – 95 с.

II. Монографии и статьи по теме исследования

18. Акиньхов Г. А. Эвакуация / Г. А. Акиньхов. – Вологда: ВОИПКППК, 1992. – 111 с.

19. Архангельский И. В. Детство во время войны // Ровесники: Немцы и русские. – СПб., 2015. – С. 8-23.

20. Балабко Т. В. Состояние садов и парков в блокадные годы и «зелёное» строительство в послевоенном Ленинграде // Искусство непокорённого Ленинграда в годы блокады. – СПб., 2015. Ч.1. – С.400-422.

21. Бессмертный подвиг Ленинграда. Из коллекции Российской национальной библиотеки «Ленинград в годы Великой Отечественной

войны»: Альбом / Рос. нац. б-ка; отв. сост.: Г. В. Михеева и др. вступ. ст.: А. В. Лихоманов. – СПб.: РНБ, 2015. – 139 с.

22. Блокада Ленинграда. Дни и годы / В. М. Ковальчук, А. Н. Чистиков. – СПб.: ИПК «Проект-2003», 2013. – 199 с.

23. Бобкова Л. М. Кошмарные дни блокады // Породнились Нева с Волгою: Ярославское эхо блокады. – СПб, 2013. – С. 233-236.

24. Булина И. Г. Блокадная зима моего детства. Публицистика – М.: СовЛит., 2015. – 95 с.

25. Воробьев А. Блокадные воспоминания // Живая память: 70 лет Победы в Великой Отечественной войне. / А.Б. Николаев – СПб., 2015 – С. 12-13.

26. Газиева Л. Л. Проблемы и противоречия использования опыта первой мировой войны по спасению детей в период Великой Отечественной войны // Вестн. Перм. ун-та. Серия: История. – Пермь, 2015. № 2 (29). – С. 139-147.

27. Газиева Л. Л. Статистика эвакуированных из блокадного Ленинграда детей и подростков в документах органов государственной власти и управления // Отечественные архивы. – 2013. № 3. – С. 33-40.

28. Гладких П. Ф. Здравоохранение блокадного Ленинграда / П. Ф. Гладких. – 2 изд., перераб и доп. – Л.: Медицина, 1985. – 217 с.

29. Голубева К. В. Драматический театр Ленинграда во время блокады // Великой Победе – 70 лет. – М., 2015. – С.196-203.

30. Город-Фронт: к 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады / Б.П. Белозеров. – СПб.: Полторак, 2014. – 223 с.

31. Грановская Р. М. Социально-психологические причины стойкости жителей блокадного Ленинграда (1941-1944 гг.) // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2013. №1. – С. 83-86.

32. Гулина М. А., Гулин Ф. В. Травма военного детства (Блокада, эвакуация, оккупация): историко-психологическое исследование. – СПб.: Европ. дом., 2016. – 336 с.

33. Дзенискевич А. Р. Ковальчук В. М. Соболев Г. Л. Цамутали А. Н. Шишкин В. А. Непокорённый Ленинград. – Л.: Издательство «Наука», 2006. – 326 с.

34. Дудин М. Я опыт совести и духа в грядущее передаю // Письма из блокады. – СПб., 2015 – С. 80-117.

35. Егорова Т. Люди и судьбы: Лизина история // Породнились Нева с Волгою: Ярославское эхо блокады. – СПб., 2013. – С. 306-311.

36. Забвению не подлежит: сборник. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 208 с.

37. Зотова А. В. О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2013. Т. 19. № 6. – С. 26-28.

38. Из районов области сообщают…: свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945: сборник документов / Архив. ком. Санкт-Петербурга и Ленинградской обл., Центр гос. архив. Санкт-Петербурга; отв. ред. А. Р. Дзенискевич. – СПб: Дмитрий Буланин, 2006. – 625 с.

39. Кан Е. Л. Мы – из блокады / Е. Л. Кан. – СПб.: Паблик Про, 2010. – 107 с.

40. Каретникова М. С. Тайна силы в немощи: листая страницы блокадных дневников. 2-е. изд. – СПб.: Библия для всех, 2014. – 127 с.

41. Коршунов Э. Л. «В ноябре 1942 г. все было готово для открытия троллейбусной линии по Ладоге» / Э. Л. Коршунов, А. И. Рупасов // Военно-исторический журнал. – 2012. № 2. – С. 37-40.

42. Кузинец И. М. Идет война народная: (к 70-летию полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады). – СПб.: Полторак, 2014. – 118 с.

43. Куманев Г. А. Советский тыл – фронту. 1941-1945 гг. / Г. А. Куманев. – М.: Знание, 1970. – 45 с.

44. Ленинград в кольце блокады. Гриф секретности снят: сборник документов / А. Н. Чистиков и др. – СПб.: Креатив, 2014. – 638 с.

45. Маграчёв Л. Е. Репортаж из блокады / Л. Е. Маграчёв. – Л.: Лениздат, 1989. – 270 с.

46. Память: Письма о войне и блокаде. – Л.: Лениздат, 1985. – 734 с.

47. Пянкевич В. Л. Спасение детей и подростков в блокадном Ленинграде / В. Л. Пянкевич // Петербургские исследования. – 2010. № 2. – С. 173-190.

48. Скоков А. Г. На всех была одна судьба: к 70-летию освобождения Ленинграда от вражеской блокады / А. Скоков. – СПб.: Пирс, 2013. – 332 с.

49. Ходза Н. А. Дорога жизни: рассказы / Н. А. Ходза. – СПб.: Детгис, 2016. – 85 с.

50. Шумилов Н. Д. В дни блокады. – М.: Мысль, 1974. – 255 с.

III. Диссертации и авторефераты по теме исследования

51. Скрябина Е.О. Проблема материнства и детства в период блокады Ленинграда (1941-1944): историко-медицинский аспект: автореферат диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02 / Скрябина Екатерина Олеговна; [Место защиты: Санкт-Петербург, гос. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2008. – 147 с.

52. Газиева Л. Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941-43 годах: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 /

Газиева Людмила Леонидовна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2011. – 24 с.

Приложение

Приложение 1

Постановление бюро Ленинградского горкома ВКП(б) о начале учебного года в школах г. Ленинграда

25 октября 1941 г.

1. Обязать исполнительный комитет Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся организовать с 25 октября нормальные занятия учащихся VII-IX классов школ г. Ленинграда (без Колпина, Кронштадта, Пушкина и Петергофа).

2. Обязать начальника гарнизона войск г. Ленинграда, генерал-лейтенанта т. Иванова в трехдневный срок освободить помещения школ, занятых военными частями, согласно приложению.

3. Обязать военного комиссара г. Ленинграда полкового комиссара т. Расторгуева выделить в распоряжение городского отдела народного образования 37 командиров запаса для военного обучения в школах.

4. Освободитель от трудовой повинности на период учебного года преподавателей и учащихся этих школ.

Секретарь горкома ВКП(б) Кузнецов.

ЛПА, ф. 25, оп. 2, д. 3819, л. 23. Ротаторный экз.

Приложение 2.

Решение Ленгорисполкома об организации детских новогодних елок

23 декабря 1941 г.

1. Предложить исполкомам районных советов депутатов трудящихся и отделу народного образования совместно с профорганизациями провести с 1 января 1942 по 10 января 1942 г. новогодние елки:

а) для учащихся VII-X классов в трех пунктах города с охватом 9000 чел.;

б) для учащихся I-VI классов в одном-двух пунктах на район с охватом 40 тыс. чел. по городу в целом;

в) для дошкольников и воспитанников детских домов непосредственно в стенах этих детских учреждений и лишь для постоянного контингента.

2. Установить, что одновременное нахождение детей на празднике новогодней елки учащихся VII-X классов – не свыше 1000 чел., учащихся I-VI классов – 400 чел. и что организация новогодних елок допускается в помещениях, обеспеченных бомбоубежищами на численность детей, присутствующих на елке.

3. Обязать т. Коренкова заготовить и сдать Управлению промоторгами г. Ленинграда 1000 елок франко-Ленинград, обязав Управление промторгами организовать продажу елок учреждениям, указанным в пункте 1 настоящего решения.

4. Поручить отделу торговли исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся утвердить отпускные и розничные цены на елки.

5. а) Выделить в распоряжение заведующего городским отделом народного образования т. Левина из городского бюджета 25 тыс. руб. по разделу 16, гл. п. 18 для организации общегородских новогодних елок для детей;

б) в пределах кассовых планов декабря 1941 г. разрешить исполкомам райсоветов депутатов трудящихся израсходовать по 5 тыс. руб. на устройство новогодних елок.

Обязать т. Левина реализовать выделенные средства до 1 января 1942 г.

6. Для покрытия расходов по устройству городских и районных елок привлечь средства профсоюзов в сумме 60 тыс. руб.

7. Установить плату за билет на новогоднюю елку в сумме 5 руб, разрешив исполкомам районных советов депутатов трудящихся и

городскому отделу народного образования выдавать благотворительные билеты детям семей рядового и младшего командного состава РККА и РККФ, семей пожилых людей и остронуждающихся, но не выше 30 % от общего количества билетов.

8. Разрешить Ленглавресторану организовать обслуживание участников на праздниках новогодних елок обедами без вырезки талонов из продовольственных карточек и елочными подарками, представив отделу торговли исполкома Ленгорсовета данные о расходе на указанные цели продовольсвия.

9. Поручить Управлению по делам искусств (т. Рачинский) и Управлению кинофикации (т. Павлов) обеспечить художественно-зрелищное обслуживание новогодних елок.

10. Утвердить комиссию по организации новогодних елок в следующем составе: т. Пономарев – председатель комиссии, Г. С. Левин – и. о. заведующео гороно, Н. А. Гайсеное – председатель ЦК союза судостроителей, А. М. Гольдин – ЛГК ВЛКСМ, А. И. Фельдман – начальник Ленглавресторана.

ЛГАОРСС, ф. 7384, оп. 18, д. 1431, лл. 119–120. Подлинник.